

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет свободных искусств и наук
Центр исследований экономической культуры
Экономический факультет

Международная научная конференция

ЭКОНОМИКА И РЕЛИГИЯ

6–7 июня 2014 года

Smolbyny

Санкт-Петербургский
государственный университет
Bard College

Факультет
свободных
искусств и наук

Санкт-Петербург, 2014

Международная научная конференция
под эгидой Центра исследований
экономической культуры СПбГУ

ЭКОНОМИКА И РЕЛИГИЯ

6–7 июня 2014 года

При поддержке: МЦСЭИ «Лентьевский центр»
и ООО «Пивоваренная компания «Балтика»

Пленарные докладчики:

Роберт Нельсон

Университет Мэриленд, США

Paul Oslington

Колледж Альфакрукс, Сидней,
Австралийский католический
Университет

Коваль Т. Б.

НИУ ВШЭ, Москва

Беккин Р. И.

Институт Африки РАН, Москва

В предшествующие два года конференции, которые проводились Центром исследований экономической культуры (СПбГУ), были посвящены таким глобальным вопросам, как экономическая культура современного капитализма и роль ценностей и интересов в экономике. Сфера экономических отношений была представлена как часть культурной деятельности человека, которая требует новых подходов в своем изучении. Обсуждался широкий круг вопросов: культурная размерность экономики, происхождение институтов современности, экономика счастья, методы работы с качественными данными, роль ценностей, идеологии, морали, эстетики в экономической теории, рынки искусства, экономическая культура различных эпох и стран.

Одним из важнейших аспектов экономической культуры является вопрос о взаимовлиянии экономики и религии. Актуальность этого вопроса связана с пересмотром известного тезиса о секуляризации, который был очевиден для Маркса, Дюркгейма, Вебера, Фрейда. Парадоксально, но в мире никогда не было больше людей с традиционными религиозными убеждениями, чем в настоящее время, к тому же в самой богатой стране мира — США — тенденция к секуляризации выражена слабее. В странах Латинской Америки, где больше верующих людей, фиксируется более высокий уровень счастья. В историческом плане огромное значение имеют как выяснение влияния хозяйственной этики различных религий на формирование современного капитализма и выяснение причин экономических успехов религиозных меньшинств, так и отслеживание влияния теологии на формирование основных терминов и концепций экономической теории.

Основные направления работы конференции:

1. Религиозная хозяйственная этика и происхождение современного капитализма (от тезиса Вебера к новым постановкам вопроса, влияние религии на уровень образования, грамотности и счастья, иезуиты в Латинской Америке, конфуцианство и «экономическое чудо» в Азии).
2. Хозяйственная этика монотеистических религий (отношение к труду, богатству, деньгам в иудаизме, христианстве и исламе).
3. Теология и экономическая теория (схоластика и формирование основной терминологии экономической теории, влияние теологии на работы Дженовези, Галиани, Мальтуса, Смита, Посошкова и других).
4. Роль религиозных меньшинств в экономическом развитии: новое понимание (иудеи в Европе, протестанты и староверы в России, джайнисты в Индии, мормоны, меннониты и квакеры в Северной Америке).
5. Экономическая теория религиозной жизни (теория рационального выбора, новая институциональная экономическая теория, макроэкономические панельные исследования в изучении религии).
6. Экономическая теория как предмет веры и религиозного поклонения.
7. Религиозные практики в плановой и рыночной экономике.

Языки конференции: русский, английский

Место проведения:

ул. Галерная 58–60, Дворец Бобринских
Факультет свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный университет

Организационный комитет:

А. Л. Кудрин (председатель), Д. Е. Расков, Д. В. Кадочников,
А. А. Погребняк, Р. М. Нуреев, В. Т. Рязанов, М. М. Шахнович,
Р. И. Беккин

International scientific conference
by the Center for the Study of Economic culture
of St. Petersburg State University, Russia

ECONOMY AND RELIGION

June 6-7, 2014

With the support of ICSE Leontief Centre
and JSC Baltika Breweries

Keynote speakers:

Robert Nelson

University of Maryland, USA

Paul Oslington

Alphacrucis College, Sydney
Australian Catholic University

Tatiana Koval

NRU HSE, Moscow

Renat Bekkin

Institute of Africa of the Russian
Academy of Sciences, Moscow

In the previous two years, the conferences of the Center for the Study of Economic Culture (St. Petersburg State University) were devoted to such global issues as the economic culture of modern capitalism and the role of values and interests in the economy. The sphere of economic relations was treated as a part of individuals' cultural activity. A wide range of issues have been discussed: the cultural dimensions of the economy; the origins of the institutions of modernity; the economics of happiness; methods of qualitative analysis; the role of values, ideology, morality, aesthetics in economic theory; art markets; economic culture of different epochs and countries.

One of the most important aspects of economic culture is the relationship of economy and religion. To raise this issue is to revise the well-known thesis of secularization, which was obvious to Marx, Durkheim, Weber, Freud. Paradoxically, the world has never seen more people with traditional religious beliefs than at the present time. Moreover in the world's largest economy, the USA, the trend toward secularization is weaker. Higher level of happiness is found in Latin America, where there are more believers. It is important to analyze the impact of economic ethics of various religions on the formation of modern capitalism; to investigate reasons of economic success of religious minorities; and to track down the impact of theology and religion on the formulation of the basic terms and concepts of the economic theory.

The main topics of the conference:

1. Religious economic ethics and the origins of modern capitalism (from Weber to modern analyses of the issue, the influence of religion on the level of education, literacy and happiness, the Jesuits in Latin America, Confucianism and “the economic miracle” in Asia).
2. Economic ethics of monotheistic religions (attitude to work, wealth, money in Judaism, Christianity and Islam).
3. Theology and economic theory (scholasticism and the formation of the basic terminology of economic theory, the influence of theology on the works by Genovese, Galiani, Malthus, Smith, Pososhkov and others).
4. The role of religious minorities in economic development: a new understanding (Jews in Europe, Protestants and Old Believers in Russia, the Jainists in India, Mormons, Mennonites and Quakers in North America).
5. Economics of religious life (rational choice theory, the new institutional economic theory, macroeconomic panel research in the study of religion).
6. Economic theory as a matter of faith and religious worship.
7. Religious practices in market and planned economy.

Conference languages: russian, english

Conference venue:

Ul. Galernaya 58–60, Bobrinsky Palace
Faculty of Liberal Arts and Sciences
St. Petersburg State University

Organazing committee:

Alexey Kudrin (chairman), Danila Raskov, Denis Kadochnikov,
Alexandr Pogrebnyak, Rustem Nureyev, Victor Ryazanov,
Marianna Shakhnovich, Renat Bekkin

Содержание

- 16 Краткая программа
- 18 Программа
- 34 Спасение душ язычников и экономические интересы колонизаторов в Северной Америке и Сибири конца XVI — первой половины XVII вв.
Акимов Юрий Германович
- 36 Богатство и деньги в исламе
Алиева Наида Алибековна
- 38 Можно ли построить исламскую экономику в отдельно взятом государстве?
Беккин Ренат Ирикович
- 39 Проблемы хозяйственной этики в период глобализации в энцикликах Папы Римского Бенедикта XVI
Голубев Константин Иванович
- 40 Дж. Рёскин и У. Моррис как предшественники креативных индустрий
Гущина Вера Николаевна
- 42 Христиане веры евангельской на Полесье: феномен агрогородка Ольшаны
Доманская Анастасия Игоревна
- 43 Религиозные аспекты процента как экономической категории
Дубянский Александр Николаевич
- 46 Монетарная концепция греха и добродетели в традициях евреев Восточной Европы
Дымишиц Валерий Аронович
- 47 Трансляция исламской экономической доктрины в современную финансовую практику: эволюция или конфликт
Журавлёв Андрей Юрьевич
- 49 Марксизм-ленинизм как религия: на примере советской политической экономики
Заостровцев Андрей Павлович
Ширяева Ярослава Дмитриевна

Contents

- 17 Programm outline
- 19 Program
- 34 Salvation of Pagans and Colonial Economy in North America
and Siberia (XVI — XVII Centuries)
Yury Akimov
- 36 Wealth and Money in Islam
Naida Alieva
- 38 Is it Possible to Implement Islamic Economic Model
in a Particular State?
Renat Bekkin
- 39 Problems of Economic Ethics in the Age of Globalization
in Pope Benedict XVI's Encyclicals
Konstantin Golubev
- 40 J. Ruskin and W. Morris as Creative Industries' Predecessors
Vera Gushchina
- 42 Evangelical Christians in Polesye:
the Phenomenon of the Agro-town Olshany
Anastasiya Domanskaya
- 43 Religious Aspects of Usury as an Economic Concept
Alexandr Dubyanskiy
- 46 Monetary Conception of Sin and Virtue in the Traditional
Mentality of the East European Jews
Valery Dymshits
- 47 Translation of the Islamic Economic Doctrine into
Contemporary Financial Practice: Evolution or Conflict
Andrey Juravliov
- 49 Marxism-Leninism as Religion:
the Case of Soviet Political Economy
Andrey Zaostrovtssev
Yaroslava Shyryaeva

- 50 Экономическая проблематика в учении татарских мусульманских реформаторов начала XX в.
Зарипов Ислам Амирович
- 52 Политика в отношении церковно-славянского языка и религиозной литературы в контексте петровской стратегии социально-экономической модернизации России
Кадочников Денис Валентинович
- 54 Проблема собственности и богатства в святоотеческом наследии
Коваль Татьяна Борисовна
- 57 Цена молитвы: к политэкономии современного православия
Кормина Жанна Владимировна
- 58 Спиритуально-коммерческое движение: женские практики
Кузнецова Олеся Васильевна
Гришаева Екатерина Ивановна
- 60 Старая вера и экономическая деятельность: попытки истолкования
Лапицкий Кирилл Валерьевич
- 61 Устойчивое развитие как религия третьего тысячелетия
Лукичёв Павел Михайлович
- 63 Христианское учение о ценности материальных благ
Лукин Сергей Владимирович
- 65 Особенности исламской налоговой системы
Львова Надежда Алексеевна
Покровская Наталья Владимировна
- 67 Учетно-экономические категории Артхашастры
Малькова Татьяна Николаевна
- 69 Между властью и собственностью. Понятие dominium в богословско-политической концепции Франсиско де Витории
Марей Александр Владимирович
- 70 Великий архитектор, естественный порядок и экономическая система Адама Смита
Марков Максим Владимирович
- 71 Средневековая схоластика как метод познания мира
Нуреев Рустем Махмутович

- 50 Economic Problems in the Teaching of Tatar Muslim Reformers of the Early 20th Century
Islam Zaripov
- 52 Policy Towards the Church Slavonic Language and Religious Literature in the Context of Peter the Great's Strategy of Socio-Economic Modernization of Russia
Denis Kadochnikov
- 54 Wealth and Property in Patristic Heritage
Tatiana Koval
- 57 Price of a Prayer: Political Economy of Modern Orthodoxy
Zhanna Kormina
- 58 Alternative Spirituality: Women Practices
Olesya Kuznetsova
Ekaterina Grishaeva
- 60 Old Belief and Economic Activity: Attempts to Interpret
Kirill Lapitskii
- 61 Sustainable Development as a Religion of the Third Millennium
Pavel Lukichev
- 63 Christian Doctrine of the Value of Material Goods
Sergey Lukin
- 65 Special Features of Islamic Tax System
Nadezhda Lvova
Natalia Pokrovskaya
- 67 Accounting and Economic Categories in the Arthashastra
Tatiana Mal'kova
- 69 Between Power and Property: a Concept of Dominium in the Theological-Political Theory of Francisco de Vitoria
Alexandr Marey
- 70 Great Architect, Natural Order and Adam Smith's Economic System
Maxim Markov
- 71 Medieval Scholasticism as a Method of World Knowledge
Rustem Nureyev

- 72 Опыт реализации исламской экономической модели
в Иране
Павлов Дмитрий Сергеевич
- 74 Деньги, счастье и сверхъестественное: экономическое
воображение и новые религиозные движения
Панченко Александр Александрович
- 75 Экономическая теология Н. В. Гоголя
Погребняк Александр Анатольевич
- 76 Традиции и новации в экономической культуре липован:
по материалам экспедиций
Пригарин Александр Анатольевич
- 78 Роль староверов в текстильной промышленности
Московской губернии XIX века: как установить
объективную картину?
Расков Данила Евгеньевич
Куфенко Вадим Сергеевич
- 80 Дехристианизация и экономические институты
современного капитализма
Розмаинский Иван Вадимович
- 81 Христианская антропология и ее влияние
на экономическую мысль
Румянцев Михаил Алексеевич
- 83 Религиозная этика и «антропологическая революция»
Рязанов Виктор Тимофеевич
- 86 СМИ и религиозный выбор
Скоробогатов Александр Сергеевич
- 89 Болевые точки государственного управления в обществе
потребления, конфликт ценностей и пороков
Соснило Андрей Игоревич
- 91 Gellit est verbum Diaboli
Тарабанов Арсений Эдмундович
- 93 Религия как институциональный фактор сплачивающих
связей и доверия
Тульчинский Григорий Львович
- 97 Об истоках и смыслах экономических идей Вальтера
Беньямина (К генеалогии статьи «Капитализм как религия»)
Фокин Сергей Леонидович

- 72 Iran's Experience in Implementation of Islamic Economy Model
Dmitry Pavlov
- 74 Money, Happiness and Transcendental: Economic Imagination
and New Religious Movements
Alexandr Panchenko
- 75 Economic Theology of Nikolai Gogol
Alexandr Pogrebnyak
- 76 Traditions and Innovations in Economic Culture of Lipovans:
Evidence from Field Study
Alexandr Prigarin
- 78 The Role of Old Believers in Moscow
Nineteenth Century Textile Industry:
What is the Evidence?
Danila Raskov
Vadim Kufenko
- 80 Dechristianization and the Economic Institutions
of Contemporary Capitalism
Ivan Rozmainsky
- 81 Christian Anthropology and its Influence on the Economic
Thought
Mikhail Rumyantsev
- 83 Religious Ethics and «Anthropological Revolution»
Victor Ryazanov
- 86 Media and Religious Choice
Alexandr Skorobogatov
- 89 Sore Points of Public Administration in Consumer Society,
Conflicts of Values and Vices
Andrey Sosnilo
- 91 Gellt est Verbum Diaboli
Arseny Tarabanov
- 93 Religion as an Institutional Factor of a Rallying Ties and Trust
Grigoriy Tulchinskiy
- 97 About the Origins and Sense of the Economic Ideas of Walter
Benjamin (to Genealogy of the Article «Capitalism as Religion»)
Sergey Fokin

- 99 «Аграрный вопрос» и антиклерикализм в России в первой четверти XX века
Шахнович Марианна Михайловна
- 100 Теологические элементы в экономической теории: экскурс в историю
Шишкин Михаил Владиславович
- 102 Религия и экономика как единый социальный институт
Шишкина Татьяна Михайловна
- 104 Экономическая деятельность Александро-Невской Лавры в XX веке
Шкаровский Михаил Витальевич
- 106 Протестантское предпринимательство как историческое явление и категория обывательского воображения
Штырков Сергей Анатольевич
- 107 Иисус и политика налогообложения
Bruce Chilton
- 108 Видимые руки: Бог, Государь и Провидение у Дженовези и в Итальянском Просвещении
Federico d'Onofrio
- 109 Экономическая теория как религия: в новом контексте финансового кризиса
Robert H. Nelson
- 110 Экономическая теория и религия: трудности и перспективы диалога
Paul Oslington
- 112 «Привычная предрасположенность к благу» (Аристотель): экономика добродетели и чести
Adrian Pabst
- 113 Как неолиберальная экономика заменила религию в политике штата Иллинойс: республиканцам нужна была новая риторика добродетели, и они обратились к неолиберальной экономике
John Taylor
- 114 Ведет ли исламское банковское дело к более справедливой финансовой системе?
Rodney Wilson

- 99 «The Agrarian Question» and Anticlericalism in Russia
in the First Quarter of the 20th Century
Marianna Shakhnovich
- 100 Theological Elements in Economic Theory: Historical
Retrospective
Mikhail Shishkin
- 102 Religion and Economy as a United Social Institute
Tatiana Shiskina
- 104 Economic Activities of Alexander Nevsky Lavra
in 20th Century
Mikhail Shkarovskiy
- 106 Protestant Entrepreneurship as a Historical Phenomenon
and a Category of Commoners' Imagination
Sergey Shtyrkov
- 107 Jesus and the Politics of Taxation
Bruce Chilton
- 108 Visible Hands: God, the Sovereign, and Providence in Genovesi
and the Italian Enlightenment
Federico d'Onofrio
- 109 Economics as Religion:
a New Perspective on the Financial Crisis
Robert H. Nelson
- 110 Promise and Difficulties of the Dialogue between Economics
and Religion
Paul Oslington
- 112 «A Habitual Disposition to the Good» (Aristotle):
Economy of Virtue and Honour
Adrian Pabst
- 113 How Neoliberal Economics Replaced Religion in Illinois Politics:
Republicans Need a New Rhetoric about Virtue, and They
Turned to Neoliberal Economics
John Taylor
- 114 Does Islamic Banking Provide for a More Just Financial System?
Rodney Wilson

Краткая программа

6 июня 2014 г., пятница

- 9:30–10:00 Открытие конференции
- 10:00–11:30 «Экономическая теория и религия»
- 11:30–12:00 Кофе-брейк
- 12:00–14:00 «Хозяйственная этика христианства»
- 14:00–15:00 Обед
- 15:00–17:00 Параллельная сессия 1
- 17:00–17:30 Кофе-брейк
- 17:30–19:30 «Религия, этика, язык»
- 19:30 Фуршет

7 июня 2014 г., суббота

- 10:00–11:30 «Исламская экономика»
- 11:30–12:00 Кофе-брейк
- 12:00–14:00 «Теология и экономическая теория»
- 14:00–15:00 Обед
- 15:00–16:30 Параллельная сессия 2
- 16:40–18:10 Параллельная сессия 3
- 18:10–18:30 Кофе-брейк
- 18:30–19:30 Заключительная сессия и финальная дискуссия

Programm outline

June, 6th 2014. Friday

- 9:30–10:00 Conference opening
- 10:00–11:30 «Economic Theory and Religion»
- 11:30–12:00 Coffee break
- 12:00–14:00 «Economic Ethics of Christianity»
- 14:00–15:00 Lunch
- 15:00–17:00 Parallel session 1
- 17:00–17:30 Coffee break
- 17:30–19:30 «Religion, Ethics, Language»
- 19:30 Official buffet

June, 7th 2014. Saturday

- 10:00–11:30 «Islamic Economy»
- 11:30–12:00 Coffee break
- 12:00–14:00 «Theology and Economics»
- 14:00–15:00 Lunch
- 15:00–16:30 Parallel session 2
- 16:40–18:10 Parallel session 3
- 18:10–18:30 Coffee break
- 18:30–19:30 Concluding session and final discussion

Программа

6 июня 2014 г., пятница

9:30–10:00 Открытие конференции

А. Л. Кудрин

Декан ФСИиН

Д. Е. Расков

Экономика и религия:
перспективы исследования

10:00–11:30 «Экономическая теория и религия»

Ведущий — Д. Е. Расков

Роберт Нельсон

Университет Мэриленда, США

Экономическая теория как религия:
в новом контексте финансового кризиса

Пол Ослингтон

Колледж Альфакрукис, Сидней
Австралийский католический университет

Экономическая теория и религия:
трудности и перспективы диалога

11:30–12:00 Кофе-брейк

12:00–14:00 «Хозяйственная этика христианства»

Ведущий — М. А. Румянцев

Румянцев Михаил Алексеевич

СПбГУ, Россия

Христианская антропология и ее
влияние на экономическую мысль

Program

June, 6th 2014. Friday

9:30–10:00 Conference opening

Alexey Kudrin

Dean of the Faculty
of Liberal Arts and Sciences

Danila Raskov

Economy and Religion:
Perspectives of Research

10:00–11:30 «Economic Theory and Religion»

Moderator — Danila Raskov

Robert Nelson

University of Maryland, USA

Economics as Religion:
a New Perspective on the Financial Crisis

Paul Oslington

Alphacrucis College, Sydney
Australian Catholic University

Promise and Difficulties of the Dialogue
between Economics and Religion

11:30–12:00 Coffee break

12:00–14:00 «Economic Ethics of Christianity»

Moderator — Mikhail Rumyantsev

Mikhail Rumyantsev

SPbSU, Russia

Christian Anthropology and its Influence on the Economic
Thought

Лукин Сергей Владимирович

Белорусский государственный университет, Белоруссия

Христианское учение о ценности
материальных благ

Брюс Чилтон

Бард Колледж, Аннандейл, Нью-Йорк, США

Иисус и политика налогообложения

14:00–15:00 Обед

15:00–17:00 Параллельная сессия 1

1А. «Капитализм и социализм
как религия»

Ведущий — Х. Полихрониоу

Фокин Сергей Леонидович

СПбГУ, СПбГЭУ, Россия

Об истоках и смыслах экономических
идей Вальтера Беньямина
(К генеалогии статьи
«Капитализм как религия»)

Заостровцев Андрей Павлович

НИУ ВШЭ, СПб., Россия

Ширяева Ярослава Дмитриевна

Институт экономики и права
имени Фридриха фон Хайека, СПб., Россия

Марксизм-ленинизм как религия:
на примере советской политической
экономики

Джон Тейлор

СПбГУ, Россия

Как неолиберальная экономика
заменила религию в политике штата
Иллинойс: республиканцам нужна
была новая риторика добродетели,
и они обратились к неолиберальной
экономике

1В. «Исламская экономическая
доктрина и исламская модель
экономики»

Ведущий — Р. И. Беккин

Журавлёв Андрей Юрьевич

МГУ, Россия

Трансляция исламской
экономической доктрины
в современную финансовую практику:
эволюция или конфликт

Алиева Наида Алибековна

КФУ, Казань, Россия

Богатство и деньги в исламе

Зарипов Ислам Амирович

Академия Наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

Экономическая проблематика
в учении татарских мусульманских
реформаторов начала XX в.

Sergey Lukin

Belarusian State University, Belorussia

Christian Doctrine
of the Value of Material Goods

Bruce Chilton

Bard College, Annandale, New York, USA

Jesus and the Politics of Taxation

14:00–15:00 Lunch

15:00–17:00 Parallel session 1

**1A. «Capitalism and Socialism
as a Religion»**

Moderator — Chronis Polychroniou

Sergey Fokin

SPbSU, UNECON SPb, Russia

About the Origins and
Sense of the Economic
Ideas of Walter Benjamin
(to Genealogy of the Article «Capitalism
as Religion»)

Andrey Zaostrovtssev

NRU HSE, SPb, Russia

Yaroslava Shyryaeva

Institute of economics and Law named
after Fridrich von Hayek, SPb, Russia

Marxism-Leninism as Religion:
the Case of Soviet Political Economy

John Taylor

SPbSU, Russia

How Neoliberal Economics Replaced
Religion in Illinois Politics: Republicans
Need a New Rhetoric about Virtue, and
They Turned to Neoliberal Economics

**1B. «Islamic Economic Doctrine and
Islamic Model of Economy»**

Moderator — Renat Bekkin

Andrey Zhuravlev

MSU, Russia

Translation of the Islamic
Economic Doctrine into
Contemporary Financial Practice:
Evolution or Conflict

Naida Aliyeva

KFU, Kazan, Russia

Wealth and Money in Islam

Islam Zaripov

Academy of Sciences of Tatarstan, Kazan, Russia

Economic Problems in the Teaching
of Tatar Muslim Reformers of the Early
20th Century

**1С. «Экономика и Религия:
общие вопросы»**

Ведущий — Д. В. Кадочников

Тульчинский Григорий Львович
НИУ ВШЭ, СПб., Россия

Религия как институциональный
фактор спланированных связей
и доверия

Розмаинский Иван Вадимович
СПбГУ; НИУ ВШЭ, СПб., Россия

Дехристианизация
и экономические институты
современного капитализма.

Лукичев Павел Михайлович
СПбГУКИ, Россия

Устойчивое развитие как религия
третьего тысячелетия

Соснило Андрей Игоревич
Финансовый университет
при Правительстве РФ, СПб., Россия

Болевые точки государственного
управления в обществе потребления,
конфликт ценностей и пороков

1В. Продолжение

Павлов Дмитрий Сергеевич
СПбГУ, Россия

Опыт реализации исламской
экономической модели в Иране

17:00–17:30 Кофе-брейк

17:30–19:30 «Религия, этика, язык»
Ведущий — А. Н. Дубянский

Рязанов Виктор Тимофеевич
СПбГУ, Россия

Религиозная этика
и «антропологическая революция»

1C. «Economy and Religion: General Issues»

Moderator — Denis Kadochnikov

Grigoriy Tulchinskiy

NRU HSE, SPb, Russia

Religion as an Institutional Factor
of a Rallying Ties and Trust

Ivan Rozmainskiy

SPbSU; NRU HSE, SPb, Russia

Dechristianization and the Economic
Institutions of Contemporary Capitalism

Pavel Lukichev

SPSU of Culture and Arts, Russia

Sustainable Development as a Religion of
the Third Millennium

Andrey Sosnilo

Financial University under
the Government of the Russian Federation, SPb,
Russia

Sore Points of Public Administration
in Consumer Society, Conflicts
of Values and Vices

17:00–17:30 Coffee break

17:30–19:30 «Religion, Ethics, Language»
Moderator — Alexandr Dubyanskiy

Victor Ryazanov

SPbSU, Russia

Religious Ethics
and «Anthropological Revolution»

1B. Continuation

Dmitriy Pavlov

SPbSU, Russia

Iran's Experience in Implementation
of Islamic Economy Model

Адриан Пабст

Университет Кента, Великобритания

«Привычная предрасположенность к благу»
(Аристотель): экономика добродетели и чести

Кадочников Денис Валентинович

СПбГУ, Россия

Политика в отношении церковно-славянского
языка и религиозной литературы в контексте
петровской стратегии социально-экономической
модернизации России

19:30 Фуршет

7 июня 2014 г., суббота

10:00–11:30 «Исламская экономика»
Ведущий — А. Ю. Журавлев

Беккин Ренат Ирикович

Институт Африки РАН, Москва, Россия

Можно ли построить исламскую экономику
в отдельно взятом государстве?

Родни Уилсон

Даремский Университет, Великобритания

Ведет ли исламское банковское дело
к более справедливой финансовой системе?

11:30–12:00 Кофе-брейк

Adrian Pabst

University of Kent, UK

«A Habitual Disposition to the Good» (Aristotle):
Economy of Virtue and Honour

Denis Kadochnikov

SPbSU, Russia

Policy Towards the Church Slavonic Language and
Religious Literature in the Context of Peter the
Great's Strategy of Socio-Economic Modernization
of Russia

19:30 Official buffet

June, 7th 2014. Saturday

10:00–11:30 «Islamic Economy»
Moderator — Andrey Zhuravlev

Renat Bekkin

Institute for African Studies of the RAS,
Moscow, Russia

Is it Possible to Implement Islamic
Economic Model in a Particular State?

Rodney Wilson

Durham University, UK

Does Islamic Banking Provide
for a More Just Financial System?

11:30–12:00 Coffee break

12:00–13:00 «Теология и экономическая теория»
Ведущий — А. С. Воробьев

Нуреев Рустем Махмутович

Финансовый Университет при
Правительстве РФ, НИУ ВШЭ, Москва,
Россия

Средневековая схоластика
как метод познания мира

Шишкин Михаил Владиславович

СПбГУ, Россия

Теологические элементы
в экономической теории: экскурс в историю

13:00–14:00 «Церковь и хозяйственная практика»
Ведущий — Л. Д. Широкоград

Шахнович Марианна Михайловна

СПбГУ, Россия

«Аграрный вопрос» и антиклерикализм в России
в первой четверти XX века

Шкаровский Михаил Витальевич

ЦГИА, СПб, Россия

Экономическая деятельность
Александро-Невской Лавры в XX в.

14:00–15:00 Обед

15:00–16:30 Параллельные сессии

**2А. «Теология и экономическая
теория»**

Ведущий — Р. М. Нуреев

Марей Александр Владимирович

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Между властью и собственностью.
Понятие *dominium* в богословско-по-
литической концепции Франсиско де
Витории

**2В. «Старообрядчество: хозяйствен-
ная этика и экономическая роль»**

Ведущий — А. А. Чувьуров

Лапицкий Кирилл Валерьевич

СПбГУ, Россия

Старая вера и экономическая
деятельность: попытки истолкования

12:00–13:00 «Theology and Economics»
Moderator — Andrey Vorobiev

Rustem Nureyev

Financial University under the Government
of the Russian Federation, NRU HSE,
Moscow, Russia

Medieval Scholasticism as
a Method of World Knowledge

Mikhail Shishkin

SPbSU, Russia

Theological Elements in Economic Theory:
Historical Retrospective

13:00–14:00 «The Church and Economic Practice»
Moderator — Leonid Shirokorad

Marianna Shakhnovich

SPbSU, Russia

«The Agrarian Question» and Anticlericalism in Russia
in the First Quarter of the 20th Century

Mikhail Shkarovskiy

CSPSHA, SPb, Russia

Economic Activities
of Alexander Nevsky Lavra in 20th Century

14:00–15:00 Lunch

15:00–16:30 Parallel sessions

2A. «Theology and Economics»

Moderator — Rustem Nureyev

Alexandr Marey

NRU HSE, Moscow, Russia

Between Power and Property:
a Concept of Dominion in
the Theological-Political Theory
of Francisco de Vitoria

**2B. «Old Believers: Business Ethics and
Economic Role»**

Moderator — Alexandr Chuviurov

Kirill Lapitskiy

SPbSU, Russia

Old Belief and Economic Activity:
Attempts to Interpret

2А. Продолжение

Марков Максим Владимирович
СПбГУ, Россия

Великий архитектор, естественный
порядок и экономическая система
Адама Смита

Дубянский Александр Николаевич
СПбГУ, Россия

Религиозные аспекты процента
как экономической категории

**2С. «Экономическая антропология
и религия»**
Ведуций — А. А. Панченко

**Кузнецова Олеся Васильевна,
Гришаева Екатерина Ивановна**
Уральский Федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Спиритуально-коммерческое
движение: женские практики

Доманская Анастасия Игоревна
Белорусский государственный университет,
Белоруссия

Христиане веры евангельской
на Полесье: феномен агрогородка
Ольшаны

Скоробогатов Александр Сергеевич
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

СМИ и религиозный выбор

Шишкина Татьяна Михайловна
СПбГУ, Россия

Религия и экономика как единый
социальный институт

2В. Продолжение

Пригарин Александр Анатольевич
Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова, Украина

Традиции и новации в экономической
культуре липован: по материалам
экспедиций

Расков Данила Евгеньевич
СПбГУ, Россия

Куфенко Вадим Сергеевич
Университет Гуттенхайма, Германия

Роль староверов в текстильной
промышленности Московской
губернии XIX века: как установить
объективную картину

2A. Continuation

Maxim Markov

SPbSU, Russia

Great Architect, Natural Order
and Adam Smith's Economic System

Alexandr Dubyanskiy

SPbSU, Russia

Religious Aspects of Usury
as an Economic Concept

**2C. «Economic Anthropology and
Religion»**

Moderator — Alexandr Panchenko

Olesya Kuznetsova,

Ekaterina Grishayeva

Urals Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russia

Alternative Spirituality: women practices

Anastasiya Domanskaya

Belarusian State University, Belorussia

Evangelical Christians in Polesye:
the Phenomenon of the Agro-town
Olshany

Alexandr Skorobogatov

NRU HSE, Moscow, Russia

Media and Religious Choice

Tatiana Shishkina

SPbSU, Russia

Religion and Economy as
a United Social Institute

2B. Continuation

Alexandr Prigarin

Odessa National I. I. Mechnikov University,
Ukraine

Traditions and Innovations in Economic
Culture of Lipovans: Evidence from
Field Study

Danila Raskov

SPbSU, Russia

Vadim Kufenko

University of Hohenheim, Germany

The Role of Old Believers in Moscow
Nineteenth Century Textile Industry:
What is the Evidence?

16:40–18:10 Параллельные сессии

3А. «Экономика и проблема спасения»

Ведущий — С. В. Лукин

Голубев Константин Иванович

СПбГУ, Россия

Проблемы хозяйственной этики в период глобализации в энцикликах папы Римского Бенедикта XVI

Дымшиц Валерий Аронович

СПбГУ, ЕУСПб, Россия

Монетарная концепция греха и добродетели в традициях евреев Восточной Европы

Акимов Юрий Германович

СПбГУ, Россия

Спасение душ язычников и экономические интересы колонизаторов в Северной Америке и Сибири конца XVI — первой половины XVII вв.

3С. «Экономика и религия в зеркале художественного творчества»

Ведущий — С. Л. Фокин

Тарабанов Арсений Эдмондович

СПбГУ, Россия

«Gellt est verbum Diaboli?»

Гущина Вера Николаевна

Воронежский государственный университет, Россия

Дж. Рёскин и У. Моррис как предшественники креативных индустрий

3В. «Вера и процветание:

“духовная экономика” современных религиозных культур»

Ведущий — С. А. Штырков

Панченко Александр Александрович

ИРЛИ РАН, СПбГУ, ЕУСПб, Россия

Деньги, счастье и сверхъестественное: экономическое воображение и новые религиозные движения

Штырков Сергей Анатольевич

ЕУСПб, ИАЭ РАН, Россия

Протестантское предпринимательство как историческое явление и категория обывательского воображения

Кормина Жанна Владимировна

НИУ ВШЭ СПб, ЕУСПб

Цена молитвы: к политэкономии современного православия

16:40–18:10 Parallel sessions

3A. «Economics and
the Problem of Salvation»
Moderator — Sergey Lukin

Konstantin Golubev

SPbSU, Russia

Problems of Economic Ethics in the Age
of Globalization in Pope Benedict XVI's
Encyclicals

Valeriy Dymshitz

SPBSU, EUSPb, Russia

Monetary Conception of Sin and Virtue
in the Traditional Mentality of the East
European Jews

Yuriy Akimov

SPbSU, Russia

Salvation of Pagans and Colonial
Economy in North America and Siberia
(XVI — XVII Centuries)

3C. «Economics and Religion
in the Mirror of Arts»
Moderator — Sergey Fokin

Arseniy Tarabanov

SPbSU, Russia

«Gellit est Verbum Diaboli?»

Vera Gushina

Voronezh State University, Russia

J. Ruskin and W. Morris as Creative
Industries' Predecessors.

3B. «Faith and Prosperity: “Spiritual
Economics” of Modern Religious
Cultures»
Moderator — Sergey Shtyrkov

Alexandr Panchenko

IRLI RAS, SPbSU, EUSPb, Russia

Money, Happiness and Transcendental:
Economic Imagination and New
Religious Movements

Sergey Shtyrkov

EUSPb, IEA RAS, Russia

Protestant Entrepreneurship as
a Historical Phenomenon and
a Category of Commoners' Imagination

Zhanna Kormina

NRU HSE SPb, EUSPb, Russia

Price of a Prayer: Political Economy
of Modern Orthodoxy

Погребняк Александр Анатольевич

СПбГУ, Россия

Экономическая теология Н. В. Гоголя

18:10–18:30 Кофе-брейк

18:30–19:30 «Теология, этика и политэкономия»

Ведущий — Д. Е. Расков

Коваль Татьяна Борисовна

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Проблема собственности и богатства
в святоотеческом наследии

Федерико д'Онофрио

Университет Дюка, США

Видимые руки: Бог, Государь и Провидение
у Дженовези и в Итальянском Просвещении

Alexandr Pogrebnyak

SPbSU, Russia

Economic Theology of Nikolai Gogol

18:10–18:30 Coffee break

18:30–19:30 «Theology, Ethics and Political Economy»

Moderator — Danila Raskov

Tatiana Koval

NRU HSE, Moscow, Russia

Wealth and Property in Patristic Heritage

Federico d’Onofrio

Duke University, USA

Visible Hands: God, the Sovereign, and Providence
in Genovesi and the Italian Enlightenment

Спасение душ язычников и экономические интересы колонизаторов в Северной Америке и Сибири конца XVI — первой половины XVII в.

Salvation of Pagans and Colonial Economy in North America and Siberia (XVI — XVII centuries)

Акимов Юрий Германович

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Yury Akimov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: akimov103@mail.ru,

y.akimov@spbu.ru

Английская и французская колониальная экспансия на Североамериканском континенте и покорение Сибири русскими — представляют собой масштабные исторические процессы, происходившие приблизительно в одно и то же время и в относительно сходных условиях.

Во всех трех случаях приход европейцев на новые земли обосновывался религиозно-миссионерскими целями — распространением христианства (в соответствующем варианте) и/или спасением душ язычников. На практике религиозная ситуация в Английской Америке, Французской Канаде и в русской Сибири была различной. При этом во всех трех случаях экономические интересы колонистов и/или властей метрополий входили в явное противоречие как с провозглашенными религиозными целями, так и с практикой миссионерской деятельности.

Во французских владениях на Североамериканском континенте представителями монашеских орденов (прежде всего, иезуитами) была развернута активная работа по христианизации индейцев. В 1630–40-е гг. им удалось добиться определенных результатов и обратить в католицизм несколько племен (всего до 10 тыс. человек). Однако интересы церкви явно расходились с интересами торговцев пушниной, являвшейся основной статьей экспорта колонии. На протяжении нескольких десятилетий в Новой Франции по этому поводу происходили острые конфликты, в которых принимали участие духовные и светские руководители колонии — епископы и губернаторы.

В английских колониях отношение к индейцам было иным — попытки их обращения в протестантизм были немногочисленны и в своем большинстве безрезультатны. Однако перед религиозными лидерами английских колоний остро стояла проблема другого рода — объяснение «законности» притязаний колонистов на индейские земли. С этой целью выдвигались экономические аргументы — прежде всего, указывалось на отсутствие у индейцев оседлого земледелия, которое с точки зрения англичан являлось законным основанием прав собственности.

В русской Сибири в допетровскую эпоху задача распространения православия среди «иноземцев» не ставилась (обращения носили единичный характер). Русских, прежде всего, интересовало

бесперебойное поступление ясака (дани пушниной) и увеличение числа его плательщиков (а в случае крещения абориген автоматически освобождался от него). При Петре I политика изменилась — был взят курс на массовое крещение представителей коренных народов Сибири без освобождения их от уплаты ясака. При этом христианизация (также как и во Французской Америке) рассматривалась как приобщение «дикарей» к цивилизации, которое в итоге приносит экономическую выгоду государству.

Богатство и деньги в исламе

Wealth and Money in Islam

Алиева Наида Алибековна

Казанский федеральный университет,
Россия.

Naida Alieva

Kazan Federal University, Russia

E-mail: asa8513@gmail.com

Во многих религиях, ценности и предписания в различной степени влияют и определяют экономическую деятельность людей и общества в целом. Определяют их этические ориентиры в предпринимательской сфере и в частной жизни.

В каждом религиозном учении свое отношение к богатству и деньгам. Во многих религиях богатство осуждается. Отношение к богатству в исламе тема дискуссионная. Основы воззрений мусульманских ученых также их мнения по поводу богатства заложены в Коране и Сунне. В истории ислама известны имена последователей этой религии, которые опираясь на некоторые аяты из Корана и высказывания Мухаммада проповедовали аскетический образ жизни, в особенности это касалось суфиев. Но ислам, как и во многих других вопросах не так однозначен и по отношению к богатству и деньгам. В трудах многих мусульманских ученых говорится о том, что богатство — милость Всевышнего, посредством которой Он оказывает почтение Своим рабам. Есть множество хадисов об испытании богатством.

В связи с тем, что Священное писание не дает ответы на все вопросы, современные экономисты и правоведы для поиска ответов обращаются к трудам ученых богословов последующих веков, которые были составлены на основе Корана и Сунны.

Мусульманский богослов и суфий Ал-Газали говорит о золотой середине между духовной жизнью и материальной. По словам Ал-Газали в корыстном поведении людей нет ничего предосудительного, т.к. желание обрести богатство и увеличить собственность — это часть человеческой натуры. Другой ученый Ибн Ал-Кайим попытался вывести сбалансированное учение ислама в отношении бедности и богатства. Он не считал бедность или богатство пороком, всё зависит от того насколько бедность или богатство позволяют человеку придерживаться религиозных норм. Ибн Ал-Кайим во многом придерживается взглядов своего учителя Ибн Таймийи, который считал что, и богатый и бедный равны перед Всевышним, и отличие только в их богобоязненности и в превосходстве друг друга в добрых делах. Истинным богатством в исламе являются благочестие, искренность, богобоязненность, щедрость. А деньги и богатство позволяют человеку совершать больше богоугодных дел, таких как совершение хаджа, благотворительность, строительство мечетей и т.д.

Средневековые богословы, которые занимались вопросами богатства, обращали свое внимание на вопросы о деньгах, на их место и роль в жизни человека и общества, на их функции.

В отличие от общепринятой системы, в исламе деньги не являются предметом торговли. Деньги рассматриваются как то, что, с одной стороны, не может быть накоплено, с другой — как то, что нельзя тратить впустую в больших количествах. Ислам рассматривает деньги как единицу счета, средство обмена, а не сбережения, т.к. деньги, сами по себе, не выполняют каких-либо функций. Деньги — это средство для получения богатства, но сами по себе они не являются богатством. Ал-Газали считал деньги одним из важнейших изобретений для помощи в ведении дел. Появление денег решило многие проблемы в бартерной системе. Ал-Газали особо подчеркивал функцию денег как средства обмена и измерения ценности. Он неоднократно подчеркивал, что деньги нужны только из-за выполняемых ими функций. Не будет преувеличением сказать, что именно Ал-Газали заложил основы теории денег в исламской истории.

Можно ли построить исламскую экономику в отдельно взятом государстве?

Is it Possible to Implement Islamic Economic Model in a Particular State?

Беккин Ренат Ирикович

Институт Африки Российской
Академии наук, Москва, Россия

Renat Bekkin

Institute for African Studies of the
Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia

E-mail: bekkin@mail.ru

Ислам является единственной мировой религией, где существует не просто набор принципов, призванных устанавливать границы хозяйственной деятельности, но создана особая экономическая модель, получившая признание в целом ряде стран. Эта модель включает как базовые положения, так и конкретные механизмы реализации предписаний шариата преимущественно в финансовых отношениях.

При реализации данных положений и механизмов на практике речь, в основном, идет о применении их отдельными финансовыми институтами — как в мусульманских, так и в немусульманских странах. Однако некоторые государства (Иран, Пакистан, Судан) попытались в 1970–90-е гг. построить всю экономическую систему в соответствии с исламскими принципами. Итоги этого эксперимента оказались не слишком впечатляющими: в начале нашего столетия Пакистан окончательно отказался от планов исламизации экономики в стране; в Иране при формальной приверженности ценностям исламской экономики финансовая система в значительной степени отходит от принципов шариата (в их шиитской интерпретации). Единственной страной, где не оставлены попытки применить исламскую экономическую модель, является Судан. Отделение Южного Судана еще более сузило базу эксперимента по построению исламской экономики (исламской финансовой системы) в отдельно взятой стране.

Наряду с этим, мы наблюдаем устойчивый рост интереса к исламской экономике со стороны отдельных участников рынка. С каждым годом увеличивается число исламских финансовых институтов по всему миру (исламских банков, страховых компаний и др.).

В докладе предпринята попытка проанализировать границы применения исламской экономической модели в мире. Докладчик рассматривает различные подходы к реализации принципов и механизмов исламской экономики в мусульманских и немусульманских странах. Особое внимание уделено России.

Проблемы хозяйственной этики в период глобализации в энцикликах Папы Римского Бенедикта XVI

Problems of Economic Ethics in the Age of Globalization in Pope Benedict XVI's Encyclicals

Голубев Константин Иванович
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Konstantin Golubev
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: kon.golubev@gmail.com

Для понимания позиционирования подхода к социально-экономическим проблемам Папы Римского Бенедикта XVI (Joseph Ratzinger) можно обратить внимание на то, что первую свою энциклику «Deus Caritas Est» (2005 г.) он начал со слов Первого послания Иоанна Богослова: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16), как выражающих суть христианской веры.

В энциклике «Spe Salvi», посвященной христианской надежде, Папа Бенедикт XVI обратил внимание на то, что Отцы Церкви рассматривали общинный характер надежды и спасение как общинную реальность, тогда как с началом Нового времени появляется идея о том, что весть Христа в строгом смысле индивидуалистична. Таким образом, начиная с Ф. Бэкона, надежда получила новую форму и стала верой в прогресс, который приведет к возникновению совершенно нового мира, царства человека.

Вышедшая в июне 2009 года энциклика «Caritas in Veritate» посвящена проблемам современного глобализирующегося мира. В ней отмечается, что помимо индивидуального блага, существует общее благо, которое связано с жизнью общества. Говоря о социально-экономической стороне глобализирующегося мира, энциклика подчеркивает, что в условиях взаимного доверия рынок является экономическим институтом, который дает возможность встретиться людям как экономическим субъектам, используя контракты для регулирования отношений и обмена товарами и услугами. Рынок не должен стать местом, где сильный угнетает слабого. Не существует рынка в чистом виде, но он формируется культурными конфигурациями, определяющими его и дающими основную направленность. В условиях глобализирующейся социально-экономической жизни возрастает значение сочетания принципов субсидиарности и солидарности, чтобы избежать партикуляризма и ассистенционализма.

Одной из важнейших идей, которые можно видеть в энцикликах Папы Римского Бенедикта XVI, является отрицание необходимости для Церкви участвовать в политической борьбе для построения более справедливого общества. При этом она, безусловно, не может оставаться в стороне от борьбы за справедливость, ибо глубоко заинтересована в справедливости через очищение разума и раскрытие воли «к требованиям общего блага».

Дж. Рёскин и У. Моррис как предшественники креативных индустрий

J. Ruskin and W. Morris as Creative Industries' Predecessors

Гущина Вера Николаевна
Воронежский государственный
университет, Россия

Vera Gushchina
Voronezh State University, Russia

E-mail: vgushchina@mail.ru

Неприятие протестантизмом искусства — известный историко-культурный факт. В результате этого на протяжении первых веков истории США практически были лишены искусства (artless) (Tachjian, 153). В Англии ситуация была не столь враждебной искусству, но и здесь она начала меняться в лучшую сторону только в XIX в. Огромную роль в этом сыграли Джон Рёскин и Уильям Моррис. Оба получили классическое гуманитарное и фундаментальное религиозное образование и собирались стать священнослужителями. Но под влиянием искусства оба изменили свои взгляды: Рёскин стал законодателем вкусов и самым авторитетным художественным критиком Англии середины и второй половины XIX в., а Моррис — выдающимся художником, общественным деятелем и предпринимателем. Рёскин одним из первых в мировой общественной мысли заявил, что искусство любой страны является показателем ее социальных и политических добродетелей, тесно взаимосвязано с экономикой и теоретически обосновал необходимость соединения искусства и труда, причем в рамках религиозного мировоззрения.

Он был убежден, что совершенное искусство не может производиться в безобразном обществе и уродливыми (промышленными) средствами. Поэтому, чтобы реформировать искусство, необходимо реформировать общество и его экономическое устройство. Но его реформаторство носило мирный, гуманитарный характер. Как признают исследователи его творчества, Рёскин стремился христианизировать все социальные отношения, в т.ч. и экономические (Goldman, 13; Hilton, 49, 124-5, 170; Wheller), и оказал исключительное влияние на художественное образование и эстетическое воспитание всех классов и групп общества в Англии и США. Его концепция искусства как трудового процесса и труда как искусства логически завершает этико-экономическую интерпретацию трудовой культуры, разработанную в протестантизме, хотя с течением времени религиозность Рёскина претерпела радикальную трансформацию, он отказался от догматического христианства и активно выступал против пуританских предрассудков в отношении к искусству.

Моррис доказал возможность осуществления единства искусства и труда на практике, создав успешное частное предприятие, задававшее эстетические вкусы эпохи. Его идеи и практики стали предтечей дизайна — одного из основных экономических и культур-

ных феноменов XX в. Не принимая эстетическую утопию Рёскина, Моррис стал членом Социал-демократической партии и попытался теоретически осмыслить отношения между рабочим классом и искусством, трудом и красотой на принципах социализма.

Моррис основал «Arts and Crafts Movement» (АСМ), оказавшее влияние на возникновение стиля Modern во всем мире. В США оно повлияло на творчество Г. Стикли, Ф. Л. Райта, Л. Тиффани и др. При этом Стикли опирался также на опыт таких религиозных групп, как амиши и шейкеры, ремесла которых приобрели уникальные качества. Они частично признавали декоративно-прикладные искусства («lesser arts»), которые являются центральным звеном синтеза труда и искусства в концепциях Рёскина и Морриса. Парадоксальным образом пуританское наследие в значительной мере способствовало усвоению философии АСМ и ее практическому воплощению в жизнь.

Эстетические идеи Рёскина и Морриса (простоты, совершенства и эксклюзивного дизайна) становятся особенно актуальными в современную эпоху. Синтез эстетики, философии и технологии — основной теоретический и практический принцип креативных индустрий, в которых искусство, творчество является одной из ключевых составляющих. Не потеряли актуальности и их социальные идеи (социальной организации художников, трудящихся; экологические идеи и практики и др.). В художественных коммунах, ставших воплощением в жизнь идей Рёскина о братстве художников, можно увидеть предшественников современных творческих кластеров, арт-кварталов и др. творческих объединений.

Литература

1. *Goldman L.* (2005) From Art to Politics: John Ruskin and William Morris. The Kelmscott Lecture 2000. The William Morris Society.
2. *Hilton T.* (2000) John Ruskin. The Later Years. New Heaven and London.
3. *Tachjian D.* (1992) The Artlessness of American Culture In: Making America: The Society and Culture of the United States. Washington, D.C.: Forum Series. P. 153-164.
4. *Wheller M.* (1999) Ruskin's God. Cambridge, 1999.

Христиане веры евангельской на Полесье: феномен агрогородка Ольшаны

Evangelical Christians in Polesye: the Phenomenon of the Agro-town Olshany

Доманская Анастасия

Игоревна

Белорусский государственный университет,
Белоруссия

Anastasiya Domanskaya

Belarusian State University, Belorussia

E-mail: domanskaya@gmail.com

Самой многочисленной в Беларуси общиной консервативных пятидесятников (Христиан веры евангельской) является на сегодняшний день церковь в агрогородке Ольшаны Столинского района Брестской области. Эта церковь представляет собой один из немногих примеров общинной религиозности. При этом, в отличие от белорусских православных христиан и католиков, для которых религиозная принадлежность практически никогда не выступала основой общинной организации жизни, пятидесятники действительно образуют особое сообщество со своим локальным социальным порядком, в котором религиозные принципы поведения играют первичную роль. На сегодняшний день этот населенный пункт является одним из самых благополучных в республике. Основным промыслом многочисленных местных фермеров и предпринимателей является выращивание в теплицах овощей. Однако, сам феномен стремительного роста уровня жизни невозможно объяснить только благоприятными климатическими условиями или какими-то внешними факторами. Усердие в труде, стабильность в семейной жизни, отсутствие миграции молодежи в города на обучение или заработки, низкий уровень преступности, — все это имеет глубокие социально-религиозные основания, подлежащие социально-теоретической экспликации. При этом религиозная составляющая часто остается за пределами внимания СМИ, и никогда не являлась предметом научного анализа.

Православная церковь в 1920–30-х годах совершенно утратила свое влияние. В то же время, католическая церковь, которая исторически на этих территориях не была активно представлена, практически бездействовала в этом регионе и при Польше. Таким образом, в Ольшанах образовалась «религиозная лакуна». 1920-е годы были временем массовой трудовой миграции западных белорусов на Запад. Некоторые белорусы, обратившись в США в популярное в те годы евангелическое христианство, принимали крещение Святым Духом и возвращались, чтобы проповедовать на родине. Именно таким образом в конце 1920-ых годов пятидесятническое учение попало на белорусское Полесье, в т. ч. в деревню Ольшаны.

Религиозные аспекты процента как экономической категории

Religious Aspects of Usury as an Economic Concept

**Дубянский Александр
Николаевич**

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Alexandr Dubyanskiy

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: assig@inbox.ru

Пожалуй, из всех экономических категорий, процент, в наибольшей степени ощутил на себе религиозное влияние. В Средние века оценка роли процента исходила как из морально-этических принципов, диктуемых, религиозными постулатами, так и основывалась на реальной роли процента в экономике традиционного общества.

Следует отметить, что подобное противопоставление принципов «справедливости» и хозяйственной целесообразности характерно для всей истории развития экономической науки вплоть до современных нам исследований. Однако особенно отчетливо это противопоставление проявляется в развитии теории процента. Анализ категории процента, пожалуй, как никакой иной экономической категории, представляет собой широкое поле для исследований на тему возможного сосуществования принципов социальной справедливости и экономической целесообразности.

В современной экономической теории преобладает принцип хозяйственной целесообразности, не предполагающий морально-этической оценки. Однако хотелось бы исправить в какой-то мере этот перекос в исследовании категории процента, остановившись в большей степени на принципах социальной справедливости. Обратимся для этого к религиозным аспектам происхождения процента как экономической категории.

Стойко-негативное отношение к проценту наиболее ярко проявилось в христианстве и исламе. Существующий и поныне в исламе запрет процента не имеет соответствующих логических оснований в Коране и других священных текстах. Запрет на процент (рибу) просто категорически осуждается в Коране, где он приравнен к наиболее злостным грехам и осужден как прямой вызов Аллаху. Пророк Мухаммед, согласно одному из хадисов, считал взимание процентов грехом в 36 раз худшим, чем супружеская измена. За супружескую измену согласно шариата, полагается смертное побиеие камнями. Однако в глазах основоположника ислама процент являлся многократно греховным деянием.

В христианстве процент не только осуждался как греховное деяние, но также логически обосновывалась его противоестественность человеческой природе. В Библии как в Ветхом, так и в Новом Завете можно найти многочисленные заповеди, осуждающие ростовщичество. Вот, например, некоторые ветхозаветные установления, касающиеся займа и сопутствующего ему процента. «Если дашь займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него

1. *Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Ефесеянам. П.4 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе* : СПб., 1905. Т. XI в 2 кн. Кн.1. С.21.
2. *Стецюра Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского*. М.: РОССПЭН, 2010. С.231.

3. Там же. С.230.
4. Под каноническим правом понимается совокупность решений католических церковных соборов и постановлений римских пап. Нормы канонического права регулировали в основном вопросы внутрицерковной организации, некоторые семейные и имущественные отношения.

5. *Ле Гофф, Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. С.85
6. *Фома Аквинский. Сумма теологии. Па – Ис, вопрос LXXVII, раздел 1, ответ на возражение 2. Цит. по: Стецюра Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского*. М.: РОССПЭН, 2010.

роста» (Исх. 22:25). Другой похожий по смыслу отрывок гласит, что: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришелец ли он или поселенец, чтоб он жил с тобою; не бери от него роста и прибыли и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою; серебра не отдавай ему в рост...». (Лев. 25: 36-37).

В раннем христианстве ростовщичество, однозначно осуждалось и клеймилось позором. Так у Иоанна Златоуста можно найти следующие высказывания осуждающие ростовщичество: «Лихоимство бывает ли необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи понуждает грабить? <...> если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй <...> приобретай [богатство] честное, — если только таковое бывает... богат тот, кто пользуется собственным...»¹

В «Декрете» выдающегося канонического юриста и болонского монаха Грациана ростовщичество приравнивалось к грабежу, и было недопустимым как для священников, так и для мирян. Запрещалось принимать в пользу церкви пожертвования от ростовщиков, т.к. деньги их были несправедливо накопленными. Ростовщикам отказывали в причастии и христианском погребении.²

Богословы раннего средневековья и католическая церковь, следуя установлениям Священного Писания, однозначно определяли ростовщичество как грех и всячески осуждали его. Под ростовщичеством понимался довольно широкий состав деяний — любое предоставление денег или продуктов в долг ради получения прибыли. Все, что кредитор требует от должника сверх первоначальной суммы — постыдная прибыль, которую лихоимец обязан вернуть.³

Наиболее веские аргументы против ростовщичества приводились в «Декрете» Грациана, на котором в XII в. основывалось средневековое каноническое право. В кодексе канонического права⁴ под ростовщичеством понимались все требования в обмен на заём сверх самого ссужаемого имущества. Считалась греховной и осуждалась даже сама мысль получить обратно что-либо сверх ссужаемого имущества. Основными следствиями, вытекающими из доктрины канонического права, были следующие:

1. Ростовщичество порождается грехом алчности;
2. Ростовщичество представляет собой кражу времени, прошедшего между ссудой и ее возвращением, т.е. продажу того, что даровано Богом всем людям в равной степени;⁵
3. Ростовщичество является грехом против справедливости. Эту мысль подробно развивал Фома Аквинский.⁶

7. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С.395.

Несколько позже в XIII веке появилась еще одна линия, по которой шло осуждение ростовщичества. Эта линия основывалась на противоестественности ростовщичества в буквальном смысле слова. Эту мысль средневековые ученые-схоласты заимствовали у Аристотеля. Фома Аквинский, повторяя высказывание древнегреческого философа, утверждал, что «деньги не рожают деньги». Аристотель, считал, что деньги созданы для меновой торговли и, следовательно, главной функцией денег, если выразиться современным экономическим языком, была функция денег как средства обращения. Древнегреческий философ считал, что ростовщичество «...делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег».⁷ Следовательно, ростовщичество является грехом против самой природы, являющейся твореньем Господа.

В заключении можно отметить, что в христианском вероучении были сформулированы основные нравственные оценки процента. В дальнейшем они послужили основой для экономической коррекции величины процента в реальной экономической жизни европейских стран в новое и более позднее время.

Монетарная концепция греха и добродетели в традициях евреев Восточной Европы

Monetary Conception of Sin and Virtue in the Traditional Mentality of the East European Jews

Дымшиц Валерий Аронович
Санкт-Петербургский
государственный университет;
Европейский Университет в
Санкт-Петербурге, Россия

Valery Dymshits
St. Petersburg State University;
European University at St. Petersburg,
Russia

E-mail: vodym1959@gmail.com

Многовековой опыт городской жизни евреев Восточной Европы как жизни, прежде всего, рыночной привел к тому, что в народном сознании деньги явились универсальным мерилем таких нематериальных категорий как грех, добродетель и загробное воздаяние. Этот вывод подтверждают многочисленные свидетельства языка, фольклора и мемуарной литературы.

В общине для ее правильного функционирования существовал широкий спектр обязанностей, то есть заповедей, выполняемых профессионалами за плату. Любой человек, выполнявший те же обязанности добровольно и безвозмездно, помещал себе на некий небесный счет сумму, равную гонорару за эту услугу.

Соответственно, прегрешение в этой логике представляло собой отрицательную стоимость, аналогичную долгу или «минусу» на этом счете. У нас есть замечательные фольклорные свидетельства, как люди продавали свои грехи, при этом продавец не получал, а отдавал деньги, что подтверждает предположение о том, что грех обладает отрицательной стоимостью.

Таким образом, задача человека состояла в том, чтобы на небесном счете была положительная сумма, которая и является гарантом загробной жизни.

Загробное воздаяние представлялось в свою очередь как «доля в будущем мире». Эта доля, по многочисленным свидетельствам, могла быть увеличена, уменьшена, продана, заложена. Именно, эта концепция позволяет понять, например, как в обществе конструировалась роль благочестивой женщины. Она сама не занималась выполнением заповедей, но способствовала в этом мужу, а значит могла претендовать на его «долю в будущем мире».

Фольклор, мемуары и современные полевые записи свидетельствуют о том, что грехи или, наоборот, исполненные заповеди, а также «долю в будущем мире» можно было покупать и продавать за деньги, как и любой другой товар. Гарантом таких сделок выступало, как обычное право, так и писанное, институтом которого являлся раввинский суд.

Многочисленные свидетельства заставляют думать, что такой взгляд на природу греха, добродетели и загробного воздаяния представлял собой не реализацию метафоры, а представление о подлинном порядке в посю- и потустороннем мире.

Результаты исследования позволяют шире взглянуть на роль денег в традиционной городской культуре.

Трансляция исламской экономической доктрины в современную финансовую практику: эволюция или конфликт

Translation of the Islamic Economic Doctrine into Contemporary Financial Practice: Evolution or Conflict

Журавлёв Андрей Юрьевич
Московский государственный
университет, Россия

Andrey Juravliov
Moscow State University, Russia

E-mail: ajuravliov@yahoo.com

Под исламской экономической доктриной понимается комплекс догматов и их интерпретаций, задающих нормы и формы отправления хозяйственных потребностей индивидуального мусульманина и мусульманской общины. Пользуясь словами М. Б. ас-Садра, не предполагается, что ислам «сформулирует экономические закономерности. Ислам пришёл, чтобы организовать экономическую жизнь и развить систему, основанную на социальной справедливости». Таким образом, эта доктрина не может рассматриваться как теория в научном понимании данного термина и представляет собой феномен скорее этический, нежели экономический.

Многие, однако далеко не все положения доктрины принимаются всеми мазхабами без исключения. Потому она не является чем-то законченным, универсальным, единым. Это рамочная конструкция, которая может адаптироваться к конкретным обстоятельствам.

Исследования того, как доктрина воплощалась в хозяйственной жизни мусульман до нового времени, не дают исчерпывающей картины. Однако они дают возможность предположить, что основополагающие принципы соблюдались широко, а сопряжённые с ними контрактные формы применялись повсеместно. Попадание большинства исламских стран и стран с сильным мусульманским меньшинством под экономическое и идеологическое влияние колониальных держав вытеснило исламское на периферию экономической сферы. Мейнстримом стали «импортированные» с Запада экономико-этические установки. Отклонения от исламского правового и морального норматива при совершении деловых транзакций, разумеется, случались всегда. Можно предположить, что они были достаточно многочисленными, но не доминирующими. Однако теперь они стали если не новой нормой, то своего рода «новой нормальностью».

Проблема утраты исконных, исламских ценностных ориентиров, в том числе в хозяйственной деятельности, так или иначе обсуждалась на всём протяжении эпохи колониализма — от Ш. В. Дехлави до А. Маадуди и М. Б. ас-Садра. Однако приступить к её решению удалось только в последней четверти прошлого века. Этому способствовало беспрецедентное наращивание денежной мощи нефтедобывающих государств исламского мира и, по-видимому, эйфория, порождённая успехом применения «углеводородного оружия». Спонсоры и исполнители проекта отдавали себе отчёт относительно той

роли, которую играют финансы в современной экономике, поэтому они сосредоточились на формировании банковской инфраструктуры, функционирующей в соответствии с требованиями шариата.

На сегодняшний день исламские финансовые институты (ИФИ) являются главным и единственным работающим элементом модели, опирающейся на исламскую экономическую доктрину. Они адаптировали к потребностям финансового оборота выработанные исламским миром в средние века типы торговых и инвестиционных контрактов, исключили из своих операций ссудный процент, следуют иным условиям шариатской законности экономических транзакций. ИФИ и их клиентура в основном вполне добросовестно стараются соблюдать принципы своего бизнеса, то есть религиозно-этические нормы.

Между тем эти данные принципы постоянно подвергаются испытанию. Это происходит в силу «анклавного» положения исламских финансовых институтов как в глобальной финансовой индустрии, так и в «традиционных» (капиталистических) национальных экономиках. Исламские банки функционируют в регулятивной среде, плохо соотносящейся с рядом их фундаментальных принципов (не в последнюю очередь в части принятия рисков). При этом ИФИ конкурируют и друг с другом, и с традиционными банками. Для исламских банков уже давно стало слишком важным любой — почти любой — ценой не проиграть в этой борьбе, не потерять клиентов и обеспечить положительный финансовый результат. Действительно, акционеры, инвесторы, вкладывающие средства в его свободнообращающиеся акции, партнёры по межбанковскому рынку, существующие и потенциальные клиенты, регулятор — все заинтересованные стороны ожидают, что исламский банк будет прибыльным не только в долгосрочной, но и в краткосрочной перспективе. В противном случае последствия для него будут негативными.

В то же время поскольку ИФИ имеют специфическую целевую клиентуру, для них также важно, чтобы их продукты и услуги соответствовали предусмотренным фикхом формам. Это отвечает общей методологии ислама. Но можно сказать, что исламский банковский сектор, таким образом, попал в «ловушку ортопраксии». Тем самым на повестку дня выносится вопрос о том, не порождает ли свойственная исламской экономической доктрине гибкость форм конфликт с её собственными фундаментальными нормами.

Марксизм-ленинизм как религия: на примере советской политической экономики

Marxism-Leninism as Religion: the Case of Soviet Political Economy

Заостровцев Андрей Павлович

Национальный исследовательский
университет – Высшая школа
экономики, Санкт-Петербург, Россия

Andrey Zaostrovtssev

National Research University – Higher
School of Economics, St. Petersburg,
Russia

E-mail: zao-and@yandex.ru

Ширяева Ярослава Дмитриевна

Институт экономики и права
имени Фридриха фон Хайека,
Санкт-Петербург, Россия

Yaroslava Shyryaeva

Institute of economics and Law named
after Fridrich von Hayek, St. Petersburg,
Russia

E-mail: y_sh@yandex.ru

Известный специалист в области экономики религии Лоуренс Ианнаккун заметил, что «некоторые явления, очевидно, до такой степени подобны религиям, что они все требуют изучения в качестве таковых» (Iannaccone, 2012, p.114). К ним он отнес современный энвайронментализм и коммунизм.

Эсхатология марксизма-ленинизма и авраамических религий поражает своим методологическим сходством: земные страдания вознаграждаются раем (вечным блаженством) для праведников. Важное различие заключается в том, что первый относит его к земной жизни будущих поколений, вторые — к загробной и вечной.

В советской политической экономике социализм рассматривался как неполный, несовершенный коммунизм, с одной стороны, и как «дорога к раю» (построение коммунизма), — с другой. В конечном состоянии снималась ограниченность благ и ресурсов (земные «райские кущи»).

Политическая экономия социализма исходила из теории «родимых пятен капитализма» (аналог первородного греха). Этот грех ассоциировался с рынком и искуплялся в процессе совершенствования социализма. Планирование же (антитеза рынка) наделялось качеством деятельности, освященной божьей благодатью.

Поскольку в жизни постоянно возникали несоответствия между реальностью и святым писанием (трудами Маркса, Энгельса, Ленина), то они объяснялись в актуальных священных текстах (партийных документах). Для них характерны были попытки перетрактовать наиболее одиозные его доктрины (например, тезис об абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме).

В СССР официальный марксизм имел свою церковь и профессиональный клир («попов марксистского прихода»). Он обладал всеми качествами монополярной государственной религии и церкви.

Политическая экономия должна была оправдывать экономические жертвы социалистического накопления. С этой целью место «божьей воли» занимали надуманные законы (например, опережающего роста производства средств производства).

Провал марксизма как особой религиозной доктрины во многом связан с ее земной природой: жизнь была уж очень далека от декларируемого идеала, тогда как остальные религии предусмотрительно выносят его за пределы эмпирического опыта.

Литература

1. Iannaccone L. R. Extremism and Economics of Religion // The Economic Record. 2012. Vol. 88. P. 110-115.

Экономическая проблематика в учении татарских мусульманских реформаторов начала XX в.

Economic Problems in the Teaching of Tatar Muslim Reformers of the Early 20th Century

Зарипов Ислам Амирович

Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

Islam Zaripov

Academy of Sciences of Tatarstan, Kazan,
Russia

E-mail: islamzarif@gmail.com

На основе анализа социально-экономической проблематики в татарской публицистике начала XX в. можно сделать вывод о становлении татарской экономической мысли, происходившем на фоне развития капиталистических отношений в обществе. В этот период экономические вопросы, изучавшиеся до этого только в узких рамках средневекового мусульманского права, начинают рассматриваться более широко и разносторонне. Об этом свидетельствует большая популярность морально-нравственной мусульманской литературы османских, а позднее и татарских авторов, в которой предпринимательство, накопление капитала и изучение светских наук рассматриваются как религиозная добродетель.

Следует особо выделить богословское произведение «Джавамигуль калим шархе» («Комментарий к изречениям пророка Мухаммада») яркого представителя татарского религиозного реформаторства Р. Фахретдина, в котором на основе сакральных источников ислама было выдвинуто морально-нравственное учение, близкое к веберовскому пониманию религиозной этики прокапиталистической ориентации.

В этот же период появляются первые татарские экономисты — Г. Фаизханов, М. Акъегетзаде, М. Сейфуль-Мулюков, которые стремятся донести до своего народа достижения европейской экономической науки, сопоставить ее положения с татарской действительностью и положениями ислама. В этот процесс активно включаются мусульманские богословы-реформаторы — М. Бигиев, З. Аюханов, М. Н. Тюнтери, Г. Баруди, М. Т. Байтогулов и др.

Необходимо отметить важнейшую роль в развитии экономической мысли татарских реформаторов появления в 1905 г. национальной периодической печати. Особое место среди многочисленных газет и журналов заняли журнал «Икътисад» («Экономика»), который можно назвать первым специализированным журналом по экономике для мусульман, и общественно-политический журнал «Шура» («Совет»), который являлся основной полемической площадкой для обсуждения различных экономических вопросов.

Как на страницах прессы, так и в отдельных трактатах татарские реформаторы творческим применением классического экономического учения к положению мусульман Российской империи начала XX в. выносили богословско-правовые заключения, которые были

призваны легитимизировать кредитно-банковские и иные торгово-финансовые отношения, получившие распространение в условиях развития капитализма. Провозглашая нравственные ценности Корана и Сунны основой хозяйственно-экономической деятельности, они поощряли богатство и частную собственность, призывали мусульман к активному труду в различных отраслях экономики, использованию современных методов и технологий, получению специального образования и участию в работе кредитно-финансовых учреждений — важнейшего элемента развития капитализма. Ими разрабатывались новые богословские подходы к кораническому запрету на ростовщичество и к вопросу его наличия или отсутствия в различных видах банковских операций. Легализовав возможность участия в ряде операций общегражданских банков и других кредитных учреждений дореволюционной России, они разрабатывали и концепции создания специального мусульманского банка страны. Учреждением коммерческих журналов, в которых размещалась информация о мусульманских предпринимателях по всей России, они стимулировали развитие внутримусульманского рынка, легализовали и поощряли межконфессиональные и международные торговые отношения, провозглашая при этом единство морально-нравственных положений ислама по ведению бизнеса представителями всех конфессий и социальных групп.

Политика в отношении церковно-славянского языка и религиозной литературы в контексте петровской стратегии социально-экономической модернизации России

Policy Towards the Church Slavonic Language and Religious Literature in the Context of Peter the Great's Strategy of Socio- Economic Modernization of Russia

Кадочников Денис

Валентинович

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Denis Kadochnikov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: dkadochnikov@yahoo.com

Языковая политика Петра Великого в значительной мере была продолжением политики предшествующих царствований. К числу приоритетов этой политики, унаследованных из прошлого, можно было отнести:

- стандартизацию русского языка, направленную на преодоление диалектных различий и формирование единой языковой нормы, на основе московского делового языка;
- очищение русского языка от архаичных элементов, в том числе заимствованных из церковно-славянского языка, а также региональных диалектов и других славянских языков, осложнявших его использование в повседневных делах, в управлении и обучении.

Новыми, дополнительными приоритетами собственно петровского времени стали:

- реформа орфографии, направленная на создание простых в начертании, легко-воспринимаемых шрифтов для текстов светского содержания;
- сохранение церковно-славянского языка, в качестве языка церкви и религиозных текстов;
- сохранение старых шрифтов для религиозных текстов, публикуемых на церковно-славянском языке;
- развитие светского образования с преподаванием на русском языке и изучением западноевропейских языков.

Именно при Петре Великом происходит окончательное обособление русского языка с одной стороны и церковно-славянского языка — с другой стороны. Это обособление подкрепляется как соответствующим обособлением светского и церковного образования, так и предписанным петровскими указами использованием различных шрифтов для книг светского и религиозного назначения. При этом стандартизация русского языка и внедрение его, наряду с западноевропейскими языками, в российский хозяйственный и административный оборот, а также модернизация гражданских шрифтов полностью отвечали задачам повышения качества и эффективности государственного управления, развития образования и науки,

а также импорта знаний и технологий с их дальнейшим широким распространением (в частности благодаря переведенным книгам, публикуемым на русском языке). На этом фоне курс на сохранение чистоты церковно-славянского языка и традиционных шрифтов для книг религиозного содержания может интерпретироваться двояко. С одной стороны, в этом можно увидеть уважение царя к религиозной традиции, которой отводилась важная роль в поддержании авторитета государственной власти и лояльности широких народных масс. С другой стороны, причем без какого - либо противоречия вышесказанному, в этом можно обнаружить зарождение политики секуляризации, в рамках которой церкви и религии в жизни россиян отводилась определенная, строго ограниченная роль, подчиненная интересам государства и его политики социально-экономической модернизации (которая, приняв форму вестернизации, в противном случае далеко не всегда могла рассчитывать на безоговорочную поддержку церкви).

Проблема собственности и богатства в святоотеческом наследии

Wealth and Property in Patristic Heritage

Коваль Татьяна Борисовна

Национальный исследовательский
университет – Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Tatiana Koval

National Research University – Higher School
of Economics, Moscow, Russia

E-mail: tbkoval@hse.ru

1. Святоотеческое наследие становится в наши дни необыкновенно актуальным не только потому, что представляет собой кладезь мудрости, но и потому, что позволяет лучше определить, что в христианстве является исторически преходящим, а что неизменным. Это полностью относится и к подходам святых отцов к социально-экономической этике, в свете которой ими раскрывается проблема собственности и богатства. Опираясь на библейские тексты, святые отцы исходят в оценке богатства из трех основных установок: во-первых, из кенотического пути Спасителя; во-вторых, из солидарности с бедными и неимущими, связанной с евангельской заповедью любви. Поэтому благотворительность становится единственно должным способом распорядиться богатством. Если в Ветхом Завете оно трактовалось преимущественно как награда праведных, то в Новом Завете и в писаниях святых отцов стало связываться, прежде всего, с эгоизмом, искушением и «отягощением», которое затрудняет вхождение в Царствие Небесное. В-третьих, также как в новозаветных текстах, у святых отцов речь идет не столько о собственности и богатстве, сколько о собственниках и богатых, то есть о людях и их внутреннем состоянии. Их «экономика» вписана в моральную проповедь. Каждый этап формирования святоотеческого наследия отличался своими особенностями и подходами к социально-экономической этике.

2. Мужья апостольские и апологеты (I–III вв.)

Одна из ярчайших особенностей эпохи — эсхатологические ожидания, в контексте которых практиковалось обобществление имущества раннехристианских общин и вырабатывались принципы социально-экономической этики. Ее лейтмотивом было противопоставление «истинных» духовных благ «неистинным». Формируется идеальный образ христианина как «странника», который «заключен» в мире «как бы в темнице» и обитает в нем «как пришелец», ожидающий небесных благ.

Среди основных общих позиций по отношению к собственности раннехристианских авторов можно выделить следующие:

- 1). Бог — Верховный Собственник и Распределитель всех благ;
- 2). Всеобщее предназначение благ при сохранении права собственности, запрет воровства и хищничества;
- 3). Благотворительность как средство раскрытия богоподобия человека и правильный способ употребления богатства.

Дискуссионным оставался вопрос об ответственности благотворителя и получателя помощи. Главный вопрос, вызвавший расхождения: всегда ли богатство греховно, а бедность добродетельна? Можно выделить два основных подхода, в диапазоне которых варьируются суждения ранних христианских мыслителей.

Первый подход: богатство и праведность несовместимы. Бедность, напротив, всегда добродетельна и является знаком близости к Богу. (Тертуллиан, Татиан Сириец. Смягченный вариант — «Пастырь» Ерма и св. Климент Римский).

Второй подход: от самого человека зависит, будет ли богатство (или бедность) «добром» или «злом». (Св. Климент Александрийский и др.).

3. Восточные отцы церкви.

«Золотой век» святоотеческой письменности

«Геоцентризм» восточных отцов во многом определил особенности антропологии и подхода восточных отцов церкви к социально-экономическим вопросам. Великие каппадокийцы (св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и св. Григорий Назианзин) сочетали «социально-экономическую» теорию, вытекающую из их антропологических воззрений, с жизненной практикой. Св. Василий Великий является основоположником организованной системы благотворительности и наиболее резким критиком жестокосердных богачей. Его формула: «Чем больше у человека богатства, тем меньше у него любви». Св. Григорий Богослов был вынужден на практике решать вопрос о доставшемся в наследство богатстве, оставаясь сторонником «личной» благотворительности. Их позиция в вопросе о происхождении богатства резко отличается от воззрений их учителя — Оригена. В соответствии с александрийской школой богословия, великие каппадокийцы трактуют сюжеты Библии аллегорически, что дает возможность определения «золотой середины» в социально-экономической этике.

Особую позицию занимал св. Иоанн Златоуст, оказавший глубокое влияние на русскую православную традицию. Для него характерно, в соответствии с антиохийской школой богословия, буквальное понимание Библии, ориентация на монашеский идеал и упование на возможность добровольного обобществления имущества. Его формула: «Где богатство, там и хищничество».

4. Монашествующие подвижники

Монашествующие подвижники выработали свой подход к собственности и богатству, связанный с идеалом добровольной бедности и обетом нестяжания. Обращает на себя внимание идея о том, что отречение от «своеволия» начинается с искоренения привязанности к земным благам (св. Антоний Великий и др.) Преп. Иоанн Кассиан разработал учение о ступенях отречения от мира и мирских благ, по которым монашествующие восходят к все большему духовному совершенству. По единодушному убеждению, сребролюбие - мать всех зол. Преп. Нил Синайский проводил мысль о нестяжателности как норме жизни для всех христиан, а не только монахов. Св. Максиму Исповеднику принадлежит концепция о четырех психологических типах «накопителей» богатств.

5. У истоков социально-экономической этики латинских отцов

Св. Амвросий Медиоланский, учитель Августина Блаженного, по праву считается основоположником католической социально-экономической этики. В своих трудах он в христианском контексте переосмысливает наследие поздних римских стоиков, в том числе рассуждая о «срединном пути», разумности, скромности и умеренности. Богатство, по его мнению, не нужно проклинать, а поставить на службу добродетели и превратить в средство улучшения жизни всего общества. Он выдвинул идею о человеческом достоинстве и достойной, в том числе и в материальном отношении, жизни, которая впоследствии была развита схоластами и прочно вошла в католическое социальное учение. Он может считаться зачинателем традиции социального богословия «третьего града», которая на много веков была прервана Августином Блаженным.

Цена молитвы: к политэкономии современного православия

Price of a Prayer: Political Economy of Modern Orthodoxy

**Кормина Жанна
Владимировна**

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Санкт-Петербург; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Zhanna Kormina

National Research University – Higher School of Economics, St. Petersburg; European University at St. Petersburg, Russia

E-mail: kormina@eu.spb.ru

Любая религия заявляет о реальности благодати и предполагает возможность доступа человека к священному. Молитва — вербальное обращение к Богу или другим репрезентациям священного — является универсальным актом коммуникации между верующим и миром священного. Содержание молитвенных обращений, как правило, связано с просьбой о помощи, так что нет ничего удивительного в том, что верующие хотят, чтобы молитва была эффективной.

В докладе речь пойдет о разных способах достижения максимальной эффективности молитвы в современной православной практике. Можно отметить две тенденции в аранжировке практики молитвы: с одной стороны, среди части современных верующих очевидно стремление к избеганию институционального контроля и своего рода духовному самосовершенствованию, в том числе через самостоятельную молитву. Дискуссии о доступности для верующего духовного роста через регулярное чтение Иисусовой молитвы или вычитывание по собственному почину или указанию священника молитвенного правила (последовательности молитв, которая может определяться индивидуально) являются примерами этой тенденции. С другой стороны, развивается практика делегированной молитвы, на которой и будет сосредоточено основное внимание в докладе.

Материалы для доклада были собраны во время посещения православных ярмарок (называемых еще православными выставками или фестивалями) в течение нескольких последних лет в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Приходы и монастыри, привозящие на эти выставки свою нехитрую продукцию, обязательно предлагают заказать у них требы и молебны. Оказавшись в ситуации реального рынка, они вынуждены объяснять, почему именно их молитва будет наиболее эффективной. В процессе ценообразования работают понятные всем участникам соглашения законы рынка: определенную роль играет стоимость трудовых затрат («в нашем монастыре читается неусыпаемая псалтырь»), объективное, с точки зрения верующих, качество ресурсов (специализированная чудотворная икона, например «Неупиваемая чаша» для избавления от пьянства и наркотической зависимости), но также и престижность товара (вернее, его продавца). Престижность связана с успешным — хотя порой и случайным — рекламированием источника благодати. Так, исключительной популярностью пользуются стенды с афонскими товарами, получившими популярность благодаря вниманию к российскому присутствию на Афоне политических лидеров страны.

Спиритуально-коммерческое движение: женские практики

Alternative Spirituality: Women Practices

Кузнецова Олеся Васильевна

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Olesya Kuznetsova

Urals federal university named after the
first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: olesyakzn@yandex.ru

Гришаева Екатерина Ивановна

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ekaterina Grishaeva

Urals federal university named after the
first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: grisha-eva@list.ru

Спиритуально-коммерческое движение — это движение, возникшее в рамках Нью Эйдж, его отличительной особенностью является то, что обучение и передача знания внутри группы носит преимущественно платный характер. В отличие от традиционных религиозных систем, в спиритуально-коммерческих практиках непрерывность религиозной жизни заключается не в принадлежности к определенному религиозному институту, а в постоянном перемещении между различными видами практик. Участники постоянно стремятся к новизне, они ищут то, что соответствует их мировоззрению, текущим потребностям и финансовым возможностям. Отличие от других НРД — знание или практика изначально преподносится как товар или услуга, отношения между учителем и учеником носят подчеркнуто коммерческий характер; оно схоже отношению продавец-покупатель. Хотя практики в рекламных проспектах преимущественно описываются как физические упражнения оздоровительного характера или психологические консультации, они содержат элементы религиозного характера. Преподавателями доводятся до учеников, пусть и фрагментарно, идеи и ценности, характерные для религиозных учений Востока, тут же можно встретить представления об ангелах и духах, славянских божествах и т. д.

«Женские практики» являются частью спиритуально-коммерческого движения. Под женскими практиками мы понимаем различные тренинги, консультации, мастер-классы, проводимые в рамках спиритуально-коммерческого движения, транслирующие особую мифологию женственности. Мы использовали методы включенного наблюдения, качественную социологию, контент-анализ содержания интернет-порталов, чтобы описать черты потребления и продвижения товара, присутствующих в женских практиках.

Большая часть курсов и тренингов является платной (250-45000 рублей). Плата за обучение является заранее оговоренной относительно времени и размера, по этому признаку не может быть отнесена к пожертвованиям (Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. — М., 2011). Для привлечения участников проводятся бесплатные или относительно дешёвые мастер-классы рекламного характера. Раздаются листовки, брошюры; действует система скидок при досрочной оплате; используется маркетинг для успешного продвижения товара. После посещения мероприятия организаторы при помощи рекламных рассылок стараются показать важность посещения дальнейших занятий. В г. Екатеринбурге суще-

существует множество центров, каждый из которых представляет своего рода бренд, имеет определенную репутацию, аудиторию. Например, «Центр преображения женщины «Гейша» ориентирован на состоятельных и успешных женщин. Участие в тренингах дорогое, тренеры при продвижении занятий используют метод активных продаж. Центр «Фрейя» имеет более демократичную ценовую политику, он ориентирован на женщин всех возрастов, в нем, по сравнению с «Гейшей», большая ориентация на эзотерическое знание. Таким образом, желая посетить тренинг, потребитель выбирает тот центр, который больше всего соответствует его представлениям о самом себе, ожиданиям, социальному статусу и финансовым возможностям.

По мере того, как принцип потребления проникает в область религии, можно предположить, что в этой же сфере формируется потребительская идентичность специфического вида. В результате проведенного исследования гипотеза о наличии потребительской идентичности в женских практиках, по большей части не подтвердилась. Можно предполагать таковую у одной группы — женщины 15–25 лет, занимающиеся фитнес-йогой. Активный мировоззренческий поиск, который является одной из главных причин посещения женских практик, не позволяет говорить о формировании потребительской идентичности у участниц. Участие в различных женских практиках сопровождается изменением ценностных установок, саморефлексией, что не свойственно процессу потребления. Для формирования потребительской идентичности необходимо довольно продолжительное потребление продукции одного и того же производителя и потребление, как правило, носит демонстративный характер. Посещение женских практик не носит демонстративный характер.

На наш взгляд использование понятия «потребительская идентичность» применительно к участницам женских практик нецелесообразно, так как является вариантом редуccionизма и значительно упрощает наше понимание поведения участниц. На наш взгляд, для изучения поведения участниц женских практик вместо «потребительской идентичности» лучше использовать понятие «потребительская стратегия». Потребительская стратегия включает в себя мотивы выбора практик, продолжительность их потребления, степень вовлеченности, желаемый результат. В ходе качественного эмпирического исследования мы выделили 3 типа потребительских стратегий: мировоззренческая, психологическая, коммуникативная. Таким образом, участницы женских практик преследуют различные цели, посещая тренинги, семинары и мастер-классы. В зависимости от типа поведенческой стратегии религиозный компонент остается востребованным, вызывает большой интерес, или воспринимается не рефлексивно и эклектично.

Старая вера и экономическая деятельность: попытки истолкования

Old Belief and Economic Activity: Attempts to Interpret

Лапицкий Кирилл Валерьевич
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Kirill Lapitskii
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: volktin@yandex.ru

Старообрядчество — это особое ответвление православия, возникновение которого связано с расколом Русской Православной Церкви в середине 17 века. Объяснением этого трагического события, которое постигло русский народ, служит нежелание ревнителем старой веры принимать обряды, введенные патриархом Никоном в ходе церковных реформ (1650-е — 1660-е гг.), а также вести службу по исправленным церковным книгам. Однако такое объяснение слишком поверхностно и не совсем точно. Раскол и появление старообрядчества на Руси имеют религиозно-философские и политические причины. Информация по данному вопросу содержится в работах Б. П. Кутузова, А. В. Карташева, М. О. Шахова, Г. В. Флоровского и др.

После церковного раскола в старообрядчестве выделилось два основных толка — поповский и беспоповский. Первый признавал священство и принимал на службу беглых служителей новой (никоновской) церкви, беспоповцы считали, что «истинная» церковь рухнула вместе со священством, поэтому их церковные службы проводились без священнослужителей. Практически все толки и согласия старообрядчества после церковного раскола стали придерживаться эсхатологической идеи, то есть идеи о наступлении последних времен и воцарении Антихриста. Наиболее радикальные старообрядческие согласия занимались практикой группового суицида — массовыми саможжениями. Следует учесть тот факт, что приверженцы старой веры на протяжении всей истории, практически всегда преследовались со стороны светской власти. Старообрядцы находились в особых социально-политических обстоятельствах: для них был закрыт доступ к активной научной, политической деятельности, поэтому уход в предпринимательство и торговлю был путем к спасению души.

Таким образом, в докладе будут рассмотрены различные попытки истолкования сосуществования старообрядческой религиозной этики и экономической деятельности. Будет также сказано о переходе от эсхатологической идеи к сотериологической и связи этого перехода с экономической деятельностью старообрядцев. Также, будет проанализирована оппозиция — личность и община и сделан вывод о взаимосвязи внутреннего развития старообрядческой духовности и хозяйственной эволюции староверческой общности. Наконец, в докладе будут отмечены положительные и отрицательные стороны участия старообрядцев в экономической сфере.

Устойчивое развитие как религия третьего тысячелетия

Sustainable Development as a Religion of the Third Millennium

Лукичёв Павел Михайлович

Санкт-Петербургский
Государственный Университет
Культуры и Искусств, Россия

Pavel Lukichev

St. Petersburg State University of Culture
and Arts, Russia

E-mail: loukitchev20@mail.ru

Каждая ступень в развитии общества формирует свою систему взглядов, меняющую роль экономики и ценность экономического роста. В древнем и средневековом мире экономические идеи имели обязательную религиозную оболочку. Наиболее продвинутые в экономическом развитии регионы — Северная Италия или Великий Новгород — становились центрами распространения религиозных ересей, чтобы преодолеть догматы, в том числе и экономические, доминирующей религии. Господствующая религия очень ревностно относилась к конкурентам и объявляла их, используя силу государства, вне закона. Новая (по времени создания) конфессия имела, по мнению её приверженцев, более «правильную» систему ценностей. Это давало возможность господствующим классам проводить дискриминационную политику по отношению к отдельным группам населения или к отдельным странам. Причём иногда те страны, которые использовали традиционные религиозные убеждения, становились «неверными» и подлежащими наказанию (военному, экономическому, политическому) со стороны государств с новой религией. Наиболее явным примером этого является захват католической Ирландии протестантской Англией во главе с Кромвелем.

На протяжении XX века религия теряла своё влияние на экономику. В условиях глобализации хозяйственных связей и Интернета возрастало значение экономических ценностей по отношению к религиозным, что наиболее ярко проявилось в снижении процента верующих в общей численности населения «золотого миллиарда». Вместе с тем попытки восстановления прежнего положения воспроизводятся вновь и вновь, искажая рациональные экономические отношения. Не случайно появление иной системы взглядов, как, например, взгляды Льва Толстого и его последователей, также преследовалось официальной церковью с использованием государственной машины подавления инакомыслия. Исходя из тезиса, что религия — это система взглядов, возведённых в Абсолют, рассмотрим устойчивое развитие как религию третьего тысячелетия.

Устойчивое развитие (Sustainable development) было определено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (комиссия Г. Х. Брунтланд при ООН) в 1983 году как развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, не ставя под сомнение возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности. Это достаточно общая формулировка легла в основу концепции устойчивого развития, которая активно формируется в развитых,

особенно скандинавских, странах в последние три десятилетия. В ней устойчивое развитие понимается как зона пересечения «балансов интересов» экономической, социальной и экологической сфер. Концепция устойчивого развития используется уже тридцать лет и всё сильнее влияет на общемировое производство и потребление.

Поскольку, как считают правительства развитых государств, экономическое и социальное развитие их стран достигло самодостаточного уровня, то главное внимание они стали уделять сейчас экологической сфере. Эта смена ориентиров общественного роста связана и с тем, что острота экономических и социальных противоречий в этих странах значительно снизилась. Поэтому решение экологических проблем стало целью, объединяющей все слои общества в повышении своего уровня жизни. Сегодня важно соблюсти баланс между динамикой развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта конкретной страны и минимально возможной нагрузкой на окружающую среду.

В этой связи задачами экономического роста становятся не просто увеличение объёмов производства, а — «зелёное производство» и «зелёное потребление». Конкретно это проявляется в снижении энергопотребления при изготовлении продукции и в быту, стремлении добывать энергию из воспроизводимых источников, потреблять экологически чистые продукты. Экономическими последствиями такого подхода стало удорожание потребляемых товаров и изменение условий международной конкуренции.

Христианское учение о ценности материальных благ

Christian Doctrine of the Value of Material Goods

Лукин Сергей Владимирович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Sergey Lukin

Belarusian State University, Minsk, Belorussia

E-mail: lukin@sbmt.by

В Библии и в трудах христианских авторов четко разграничиваются блага духовные и блага материальные. Первые, имеющие несравнимо большую и притом равную для всех ценность, не могут ни при каких обстоятельствах быть предметом экономического обмена, являясь исключительно предметом дара.

Даром является и добровольное служение друг другу во славу Божию, трудом или его продуктами. Такая экономика дара превращает блага материальные в блага духовные, однако она требует высокой степени духовного совершенства всех ее субъектов. К этому идеалу приблизились члены первой христианской общины Иерусалима, которым на некоторое время удалось упразднить экономический обмен внутри нее (Деян 2:44-45; 4:34-37). В последующие времена на экономике дара удавалось основывать в христианском мире лишь малые экономические системы, например в рамках монашеских общин и благочестивых семей. Господствующей формой обмена товарами и услугами, включая услуги труда, как в ветхозаветное так и в новозаветное время являлась и является купля-продажа. Согласно повествованию книги Бытия (Быт 3:19), следствием грехопадения первых людей стал, помимо прочего, разрыв между желаемым и имеющимся количеством благ. Пищу, одежду и все необходимое для жизни люди были вынуждены добывать трудом, тратить на это время своей жизни, которое стало конечным. Тем самым возникла экономика ограниченных благ, что стало основой обмена ими путем купли-продажи, т.е. экономического обмена. Экономический обмен, основанный на разделении труда, стал вынужденным служением друг другу людей, находящихся в греховном состоянии. Основой такого обмена стало сравнение ценностей обмениваемых благ. Материальные блага в обмене путем купли-продажи в отличие от благ духовных, имеют различную ценность. Более того, изменяется ценность одного и того же блага, в зависимости от различных обстоятельств. Ряд ветхозаветных и новозаветных фрагментов содержат мысли об изменениях цен на недвижимость и другие материальные блага в результате сдвигов спроса или предложения. По мнению автора III Книги Ездры ценность материальных благ в долгосрочном периоде определяется их редкостью. Более редкими благами являются, в свою очередь, те, которые с большим трудом добываются. Разделяет это мнение и св. Иоанн Златоуст, который считает, что редкость основывается на любостыжании и предвзятом мнении. В книгах Ветхого и Нового Заветов неоднократно упоминаются сделки купли-продажи недвижимости, товаров и услуг, в том числе и совершенные людьми, почита-

емыми как праведные, выделяющиеся в среде своих современников высокой нравственной жизнью. При этом отмечается, что эти праведники соглашались совершить сделку по сложившейся рыночной цене, т.е. являлись теми, кого современная экономическая наука называет ценополучателями. Рыночную цену они считали справедливой, но, главное для них было то, что эта цена устраивала противоположную сторону. Это в значительной степени согласуется с выводами нормативного подхода в современной экономической теории, считающего рынок совершенной конкуренции, при котором все его участники являются ценополучателями, наиболее справедливым рынком.

Современная экономическая теория пришла к выводу, что наиболее эффективное распределение благ и ресурсов осуществляется на рынке совершенной конкуренции, на котором цена равна маржинальным издержкам. Поскольку на рынке совершенной конкуренции в долгосрочном периоде нет экономической прибыли, но все продавцы получают лишь нормальную (нулевую экономическую) прибыль, в нормативном плане цены рынка совершенной конкуренции можно считать более справедливыми, чем на рынках с той или иной степенью монополизма. На рынке совершенной конкуренции все субъекты его являются ценополучателями (т.е. они не могут сознательно повлиять на сложившуюся рыночную цену), хотя и вынужденными. Этот аспект также дает основания считать цену такого рынка максимально, насколько это возможно, справедливой. Монополизм в любой степени создает асимметрию возможностей продавца и покупателя. Продавцы (при монополии — покупатели), как правило, увеличивают цены и уменьшают объем выпуска.

В современной католической социально-экономической доктрине, во многом заимствовавшей ордолиберальную концепцию, рыночная конкуренция и ее воздействие на цену оцениваются положительно. В энциклике Пия XI 1931 г. «*Quadragesimo Anno*» отмечается, что она «оправданна и безусловно полезна». При этом рыночная конкуренция видится результатом сложного взаимодействия государства, устанавливающего конституирующие принципы конкурентного экономического порядка и осуществляющего антимонопольное регулирование, и хозяйствующих субъектов многочисленных рынков.

Особенности исламской налоговой системы

Special Features of Islamic Tax System

Львова Надежда Алексеевна
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Nadezhda Lvova
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: lvova_n.a@mail.ru

**Покровская Наталья
Владимировна**
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Natalia Pokrovskaja
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: n.pokrovskaya@spbu.ru

Исламские финансы — значимое явление финансового мира, привлекающее активный интерес научного сообщества. Исламская финансовая индустрия развивается стремительными темпами. Однако значение исламских финансов оценивается неоднозначно. Сторонники исламской финансовой системы считают, что следование принципам шариата способствует справедливому распределению ресурсов.¹ Противники отмечают ее несовершенства и даже возможную социальную опасность.²

В литературе подробно рассматривается специфика исламского финансового рынка, но зачастую недооценивается роль публичных финансов.³ В связи с этим наше исследование посвящено исламской налоговой системе: ее основным элементам, особенностям исламских налогов.

Изучив теорию и практику исламского налогообложения, мы считаем, что шариатская налоговая система характеризуется следующими особенностями:

1. Перечень исламских налогов дискуссионен, как с позиции Корана, так и относительно их налогового характера. Согласимся с отношением к исламским налогам закята (обязательного ежегодного платежа части имущества в пользу нуждающихся мусульман), его разновидностей ушр (десятины с продуктов земледелия) и закята ал-фитр (специального пожертвования по окончании поста в месяц Рамадан), джизии (подушной подати с немусульман) и хараджа (поземельного налога).⁴
2. Принципы налогообложения подчинены этическим принципам исламской экономики. Исламские налоги призваны способствовать справедливому распределению дохода и благосостояния в обществе. Результатом обусловленности налоговой системы этическими принципами является то, что с одной стороны, шариат предписывает направление использования поступлений по налогам, с другой стороны, предполагается, что налоги не должны быть чересчур обременительными для плательщиков, предусматривается необлагаемый минимум и пропорциональная шкала налогообложения. Таким образом, исламские налоги, прежде всего закят,⁵ являются прямым инструментом перераспределения доходов в пользу нуждающихся мусульман.
3. Уплата исламских налогов имеет религиозный характер. Различаются налоги для мусульман (закят представляет собой очи-

1. Судин Харон, Ван Нурсофиза Ван Азми. Исламская финансовая и банковская система: Философия, принципы и практика. Казань: Линова-Медиа, 2012. С. 93, 94.

2. См., напр.: Куран Т. Исламская экономическая мысль и исламская экономика // Христианство и Ислам об экономике / Под ред. М.А. Румянцев, Д.Е. Раскова. СПб., 2008. С. 298.

3. См. подр.: Беккин Р. И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. С. 137.

3. Беккин Р. И. Исламские налоги в системе налогообложения мусульманских стран // Налоговая политика и практика. 2007. №6 (54). С. 42.

5. См. подр.: Капинос Р. Экономические идеи Корана и практика современного ислама // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №3. С. 99-100.

6. Habib A. Role of Zakah and Awqaf in Poverty Alleviation. Jeddah, 2004. P. 123.

стительный налог и является одним из пяти столпов ислама) и немусульман (джизия).

Если на Западе традиционно существование налогов обусловлено государством, которое обеспечивает обязательность их уплаты и использует их поступления для финансирования своих расходов, то исламские налоги напрямую не связаны с существованием государства. Их уплата обуславливается религиозной обязанностью, направление расходования определено в Коране. Как следствие, современный опыт свидетельствует о том, что сбор закята и управление его поступлениями эффективнее реализуются некоммерческими организациями, чем государственными структурами.⁶

Подытоживая вышесказанное, следует отметить социальную роль исламской финансовой системы, в основе которой изначально заложена задача преодоления экономического неравенства общества. Решение данной задачи во многом связано с эффективным функционированием исламской налоговой системы, что обуславливает значимость дальнейших исследований по данной проблематике.

Учетно-экономические категории Артхашастры

Accounting and Economic Categories in the Arthashastra

Малькова Татьяна Николаевна
Петровская академия наук и искусств,
Санкт-Петербург, Россия

Tatiana Mal'kova
Piter Academy and Arts, St. Petersburg,
Russia

E-mail: MalkovaTN@rambler.ru

Артхашастра является выдающимся произведением Древней Индии (Артхашастра или наука Политики. Перевод В. И. Кальянова. М-Л.: АН СССР, 1959). Ссылки на издание Артхашастры приводятся в квадратных скобках [А], с указанием страницы. Автор сочинения — брахман Каутилья. Время событий, описанных в Артхашастре относится к IV в. до н. э.-II/III в. н. э. Артхашастра (букв. «Наука о выгоде») содержит свод правил по государственному управлению в условиях централизованной экономики. Она написана на санскритском языке в исключительно лапидарном стиле, характерном для специальных и научных произведений (шастры).

Государственное управление определяло направления развития и иерархию должностных лиц (высших и надзирателей). Обязанности надзирателей состояли в управлении (dandaniti, от danda — букв.: палка, жезл длиной 1,8 м) и своевременном представлении отчетности о финансовой деятельности ведомств. Основными в этом отношении были надзиратель учетного ведомства (adhyaksha), главный сборщик налогов (samahartr) и хранитель государственной казны (sannidhatr). Процедура представления годовой отчетности каждым надзирателем высшим должностным лицам соответствовала представлениям о достоверности и состояла в следующем [А: 68–69]: представление отчетности в последний месяц года в опечатанном виде и в полном молчании; устный доклад по статьям отчетности отдельно по приходу, расходу, остаткам; сверка с государственной сметой доходов и расходов; недополученный ведомством доход возмещался, перерасход не признавался; ответственность за недобор доходов и превышение расходов в 10-кратном размере. Процедура периодической отчетности включала текущий контроль исполнения законов, смет, состоятельности налоговплательщиков и привлечение шпионажа и доносов для проверки информации [А: 69, 151–153, 73]. Ответственность за периодическую отчетность и несоответствие сметам состояла в детально расписанных штрафных санкциях, но допускалось и прощение незначительных проступков [А: 70]. Данные периодической отчетности подвергались анализу в динамике за 1 день, 5 дней, полмесяца, 4 месяца, год [А: 69], что означало также накопительный принцип формирования отчетной информации.

Все чиновники обязаны были знать делопроизводство, учет (достоинства хорошо составленного документа (lekha-sampat) [А: 593]) и счет. Древняя Индия является родиной современной цифровой 10-й системы, с применением основы счета от 0 до 10 и отрицательных величин. Причем, доход и имущество интерпретировались как положительные числа, а расход, долг, недостача — как отрицательные, и они не одобрялись. Древнеиндийские цифры со времени средних веков из-

вестны как арабские, но арабы называли их индийскими. В подсчетах использовался вычислительный инструмент (dhuli-carma). Чиновники проверялись на честность и добросовестность [А: 66-70], но тем не менее описано 8 причин нарушений [А: 68] и 40 способов хищений чиновниками [А: 71-72], в числе которых изменение дат операций и отчетности; приписки, сокрытие и изменение учетных объектов; несоответствие учета текущим операциям; подлоги; манипуляции с подсчетами, количеством, качеством, заработной платой, ценами; пересортица товаров; несоответствие сметам доходов и расходов; изъятия объектов из остатков; сокрытие кредиторской задолженности. Репертуар нарушений был обширным (можно узнать путь летящих в небе птиц, но не путь действующих чиновников, имеющих скрытые намерения [А: 75]).

В текущем учете применялись категории прихода и дохода (категория прихода эволюционно более ранняя, но единые денежно - монетное обращение и денежные измерители перевели ее в категорию дохода), расхода, остатка, финансового результата. В тексте Артхашастры подробно расписаны весовые и денежные измерители [А., 109-111]. Применение монет и денежных измерителей было величайшим экономическим достижением Древней Индии. В расчетах оговорены займы, залоги, вклады, проценты [А: 643] на основе договоров и соответствия законам (если власти не заботятся об общем благе, то правильные взаимоотношения между работодателями и должниками становятся невозможными [А: 189]). Срок безнадежной задолженности в общем случае составлял 10 лет [А: 189]. Имеются свидетельства долгового рабства, включая детей, но его распространению препятствовали общинные традиции взаимопомощи. Но самой удивительной была классификация расходов (расходы суть: постоянные, производные от постоянных (nityotpadika), выгодные (целевые) и производные от выгодных [А: 67]). Классификация расходов на постоянные и производные соответствует современной классификации расходов на постоянные и переменные. В наше время она достигается применением алгебраических уравнений линейной и криволинейной связи. Из истории древнеиндийской математики известны вычисления с неизвестными величинами и алгебраической символикой на санскритском языке. Обратим внимание, что разделение расходов на постоянные и переменные применялось в отчетности, а не в текущем учете, где оно невозможно и в настоящее время. Одновременно это означает осознанное признание расходов в текущем древнеиндийском учете с классификацией на прямые и косвенные.

Артхашастра раскрывает древнеиндийскую экономическую культуру и теоретические основы профессии экономистов в индийском обществе периода распространения в нем буддизма.

Между властью и собственностью. Понятие *dominium* в богословско-политической концепции Франсиско де Витории

Between Power and Property: a Concept of *Dominium* in the Theological-Political Theory of Francisco de Vitoria

**Марей Александр
Владимирович**

Национальный исследовательский
университет – Высшая школа
экономики, Москва, Россия

Alexandr Marey

National Research University – Higher
School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: fjodalgo@gmail.com

В докладе планируется проанализировать употребление понятия *dominium* в «Богословских лекциях» Франсиско де Витории, прежде всего, в двух знаменитых его лекциях «Об индейцах» и «О праве войны».

Обосновывая права Кастильской короны на присоединение к своему составу земель Нового Света вместе с их населением, Фр. де Витория активно использовал в своей аргументации комплекс понятий, связанных, с одной стороны, с правом собственности, с другой же — с властью. Одним из центральных концептов, вокруг которого выстраивалась его теория стало понятие *dominium*, обладавшее на тот момент двумя основными значениями: «власть» и «собственность». Понимание власти как собственности, как фактического обладания территориями и различными ресурсами, в том числе, и людскими, позволило Витории расширить существовавшую на тот момент теорию власти, формулировавшуюся через противопоставление концептов *potestas* и *auctoritas*. Введение в эту дихотомию экономического момента привело, с одной стороны, к расширению трактовки понятия «власть», которое стало пониматься не только как возможность применения силы или же возможность вести за собой словом, но и как право обладания подвластным имуществом. С другой же, - это повлияло на понимание концепта собственности, что отразилось в дальнейших правовых, политических и экономических теориях.

Великий архитектор, естественный порядок и экономическая система Адама Смита

Great Architect, Natural Order and Adam Smith's Economic System

**Марков Максим
Владимирович**

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Maxim Markov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: m.markov@econ.pu.ru

Адаму Смиту принадлежит возможно самое известное высказывание в истории экономических учений, имеющее религиозную коннотацию. Но придавал ли Адам Смит религиозный смысл своему изречению о «невидимой руке», или же для него это понятие было просто метафорой, как для современных экономистов? Решение этой проблемы имеет большое значение для понимания как самого экономического учения Адама Смита, так и последующего развития экономической науки. Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо определить отношение Смита к религии, выявить его собственные религиозные воззрения и попытаться оценить, повлияли ли, а если повлияли, то насколько, эти воззрения на его представления о работе экономической системы.

Первая задача решается достаточно просто. В «Богатстве народов» специальная статья — «О расходах на учреждения для образования людей всех возрастов» — посвящена критике религии как социально-экономического института. Здесь Смит выступает защитником рациональной религии, что ведет нас к решению второй задачи. Религиозные воззрения Адама Смита стали, в последнее время, предметом достаточно широкого обсуждения в научной литературе. Будучи философом эпохи Просвещения (в его шотландском варианте), Смит придерживался рационального представления о боге, где творец является разумной первопричиной мира, архитектором естественного порядка. Общество, в том числе экономическая система, задумано и осуществлено на рациональных основах.

Таким образом экономическое учение Адама Смита является частью более общей деистской философии. Но можно ли при исследовании общества ограничиться созерцанием «великого механизма вселенной», целью которого является производство «наибольшего количества счастья»? Оказывается, что нет — неблагоразумие людей часто приводит к нарушению естественного порядка. Следствием этого является важное противоречие: Адама Смита часто называют основоположником экономического либерализма, но представление об экономической системе как о божественном установлении, которое в реальном мире может отклоняться от своего идеала, открывает возможности и для государственного вмешательства.

Средневековая схоластика как метод познания мира

Medieval Scholasticism as a Method of World Knowledge

Нуреев Рустем Махмутович

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Финансовый Университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Rustem Nureyev

National Research University – Higher School of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: nureev50@gmail.com

Характерными чертами средневековой схоластики являются:

1. **Преданность великим учителям.** В роли авторитета оказалось не только Священное Писание, но и творения отцов церкви, труды Платона и Аристотеля. Преобладание заимствования, подчинение авторитету. Цитаты — главный аргумент в споре.
2. **Большая роль традиции.** Традиционные основы занимают гораздо большее место, чем нетрадиционные. Новое рождается как синтез параллельных или родственных традиционных течений. Главным становится не создание новых концепций, а кропотливая разработка деталей старых.
3. **Цель** — не изучение и обобщение практики, а накопление суммы объективных «вечных» истин. Средневековая схоластика стремится разрешить, прежде всего, богословские задачи, показать земной миропорядок как следствие неземного.
4. **Школьный характер.** В средневековую эпоху, когда индивид поглощается корпорацией, а личность заслоняется обществом, школа приобретает огромное значение. С ростом университетов и образованием средневековых орденов (францисканцев, доминиканцев, августинцев и т.д.) корпоративный элемент нарастает. Возникают замкнутые школы последователей Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота, Уильяма Оккама. Собрания преподавателей университетов решают, чему следует и чему не следует учить. Принадлежность к школе определяет темы исследований, их идейную направленность и метод доказательств.
5. **Создание гибкой терминологии.** Развитие определений и понятий, способов их разделения и соединения. Из средневековой схоластики в наш обиход проникли такие термины как — объективное и субъективное, а priori и a posteriori и многие другие.
6. **Дедуктивный формально-логический метод исследования.** Доказательство приобретает форму разнообразных силлогизмов.
7. **Стремление к гармонии.** Учёные пытаются согласовать истины, освящённые авторитетом церкви, с собственными представлениями, найти аргументы в подтверждение этих истин. Средневековое мышление носит трансцендентальный, умозрительный характер. Широкий полет метафизики не сдерживается ничем.

Средневековому мировоззрению чуждо подлинно историческое понимание фактов. Оно не критично, оно любит мерить все понятия абсолютными мерками, не замечая, что на них лежит отпечаток современной ученым эпохи.

Опыт реализации исламской экономической модели в Иране

Iran's Experience in Implementation of Islamic Economy Model

Павлов Дмитрий Сергеевич

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Dmitry Pavlov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: dm.pavlov@smolny.org

Религиозно-политическая элита Ирана, пришедшая к власти в результате революции 1979 г., на протяжении десятилетий декларировала свою приверженность основным принципам шиитского ислама и проявляла стремление к внедрению основанных на них практик в области политики, международных отношений, культуры и экономики. Применительно к последней в иранском политическом лексиконе закрепился особый термин — «тоухидная экономика» (по названию одноименного труда одного из основателей ИРИ — Абольхасана Банисадра), под которым подразумевалась модель народного хозяйства, построенная и функционирующая в соответствии с шариатом. Однако элите государства не только не удалось в полной мере реализовать первоначальные представления об «идеальной» экономике, но и радикально изменить существовавшую при шахском режиме экономическую систему. На это указывают ряд российских и зарубежных исследователей — например, Р. Беккин и Дж. Амузегар.

На наш взгляд, сложившаяся в Иране экономическая система является не столько воплощением идеальных исламских принципов, относительно интерпретации которых не наблюдалось согласия даже среди лидеров шиитского духовенства, сколько продуктом решения конкретных задач внеэкономического характера (например, достижение приемлемого результата в войне с Ираком, преодоление последствий демографического бума 1980-х гг., противодействие международным санкциям) и компромисса между различными сегментами элиты Исламской республики. Важно отметить, что среди последних в качестве субъекта политического процесса активно выступает конфессиональная корпорация шиитского духовенства, не имеющая аналога в большинстве мусульманских стран. Данное обстоятельство облегчало внедрение атрибутов «тоухидной» экономики. Для создания видимости приверженности «истинно исламским» нормам правительство ИРИ с момента утверждения режима активно прибегало к созданию государственных институтов, призванных имитировать сакральный характер существующей хозяйственной модели в глазах широких масс, ориентирующихся на традиционные ценности. Одним из таких новшеств явилось образование больших конгломератов из различного рода производственных, строительных, коммерческих и иных предприятий — т.н. «боньядов» (фондов). Каждый из таких фондов имеет специальное назначение и область функционирования.

Например, один наиболее значительный из них — «Фонд обездоленных и инвалидов» («Боньяд-е мостафазан ва джанбазан») — был создан в марте 1979 г. Он был основан на базе конфискованных у представителей высшей знати предприятий, других форм недвижимого имущества, ценностей и т. д. К середине 1980-х годов «боньяд» полностью или частично владел мелкими и большими рудниками, мелкими производственными предприятиями, десятками тысяч единиц недвижимого имущества, промышленными предприятиями и многим другим. Второй по величине фонд «Боньяд-е шахид» («Фонд мученика») к началу 1990-х годов владел компаниями в области сельскохозяйственного производства и строительства.

Можно сделать общий вывод, что и монархическому правительству, и элитам режима ИРИ приходилось сталкиваться приблизительно с одинаковыми вызовами, порожденными этатистской, отчасти мобилизационной моделью развития. Применение исламских принципов было связано с ситуативными факторами: расстановкой сил на политической арене и конкретными задачами общегосударственного значения. После «перестройки Рафсанджани», предпринятой в 1990-е гг., наблюдается устойчивое мягкое противостояние между «консервативной» и условно «либеральной» линиями в вопросах определения глубины государственного регулирования экономических отношений.

Деньги, счастье и сверхъестественное: экономическое воображение и новые религиозные движения

Money, Happiness and Transcendental: Economic Imagination and New Religious Movements

Панченко Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский Университет в Санкт-Петербурге; Институт русской литературы Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Alexandr Panchenko

St. Petersburg State University; European University at St. Petersburg; Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: apanchenko2008@gmail.com

По меньшей мере со времен Макса Вебера проблема «религиозной экономики» остается одной из самых привлекательных и одновременно противоречивых для историков, социологов и антропологов, занимающихся исследованием массовых религиозных практик разных культур и эпох. «Избирательное сродство (Wahlverwandschaft) между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой», а также «развитием материальной культуры» в целом, о котором писал немецкий социолог, в историко-антропологической перспективе оказалось крайне вариативным и с трудом приводимым «к единому знаменателю» в терминах социальных и культурных закономерностей. Гипотеза Вебера, таким образом, заняла довольно странное место в социальной теории XX в.: несмотря на очевидную привлекательность и инновативность, она не позволила выявить сколько-нибудь устойчивые общественные и исторические механизмы, обеспечивающие взаимную обусловленность «религиозных верований» и «экономической этики». Стоит, кроме того, иметь в виду и другую сторону вопроса: антропологические исследования показывают, что в постколониальных и переходных экономиках религиозное воображение может служить средством психологической адаптации к развитию капиталистических отношений и социального неравенства. Так, по словам Биргит Майер, «специфическая диалектика околдовывания и расколдовывания», характерная для дискурсов пятидесятников в современной Гане, дает последним «возможность выразить свое неоднозначное отношение к современной рыночной экономике и ритуальные средства, чтобы принять ее и участвовать в ней в качестве потребителей». В подобных случаях, вероятно, следует все же говорить о примате экономической этики по отношению к «гибридным формам» верований и морали. Как бы то ни было, вопрос о взаимных связях между религиозными идеями и практиками, этическими моделями и экономической деятельностью представляется вовсе не праздным. Изучение этой проблематики и попытки выстроить общую теорию «религиозной экономики», по всей видимости, должны опираться на эмпирические исследования со специальным вниманием к тому, какие именно идеи, нормы, ожидания и социальные практики оказываются решающими в формировании «экономического этоса» тех или иных социальных групп, идентифицируемых «по религиозному признаку». В докладе рассматриваются некоторые формы и типы «экономического воображения», характерные для глобальных религиозных культур конца XX — начала XXI в. (движения New Age, харизматическое христианство и т. п.), а также их соотношение с практиками повседневной жизни и социальными структурами в различных локальных контекстах.

Экономическая теология Н. В. Гоголя

Economic Theology of Nikolai Gogol

**Погребняк Александр
Анатольевич**

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Alexandr Pogrebnyak

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: aapogrebnyak@gmail.com

Взаимосвязь религиозной и экономической проблематики в творческом наследии Гоголя неоднократно становилась предметом рефлексии — примером являются работы А. Белого, П. Бицилли, Ю. Манна, М. Вайскопфа, А. Синявского, А. Давыдова и др. Ставя задачей выявить специфический характер этой взаимосвязи, исследователи обращали внимание на идеологические истоки гоголевского мировоззрения — так, в религиозном плане обнаруживается связь с гностицизмом, католицизмом, протестантизмом, не говоря уж о православии; в плане экономическом — указывают на принципы «Домостроя», но также на идеи физиократов, сен-симонизм и др.

Однако, наиболее интересными и оригинальными представляются все-таки не те идеи, на основе которых Гоголь сознательно стремился учредить некую доктрину («Выбранные места из переписки с друзьями», том второй «Мертвых душ» с назиданиями Костанжогло), но те «бессознательные мысли», которые воплощены на уровне структуры его текстов. Не Гоголь-проповедник и не Гоголь-моралист, не выполненная в «религиозном ключе» хозяйственная этика, но экономическая теология (или, если использовать термин Хайдеггера, с помощью которого он охарактеризовал философскую систему Гегеля — онто-тео-логика экономики) Гоголя — только при такой постановке вопроса оправдано наше сегодняшнее обращение к его творчеству. Цель этого обращения — поиск фундаментальных оснований современной экономической картины мира, являющихся одновременно условиями возможности ее критического осмысления. Для демонстрации возможностей такого подхода в докладе будет предложена интерпретация «Повести о капитане Копейкине» — текста, играющего роль ключа к пониманию смысла экономической теологии Гоголя.

Традиции и новации в экономической культуре липован: по материалам экспедиций

Traditions and Innovations in Economic Culture of Lipovans: Evidence from Field Study

**Пригарин Александр
Анатольевич**

Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова, Украина

Alexandr Prigarin
Odessa National I. I. Mechnikov
University, Ukraine

E-mail: prigarin_alexand@mail.ru

Одной из важных предпосылок переселения старообрядческого населения на Придунайские земли (середина XVIII — первая треть XIX вв.), и существенный фактор стабилизации и развития их в регионе выступила высокая рыночная рентабельность традиционных хозяйственных занятий. Вынужденные выживать и обеспечивать свою жизнедеятельность во всех смыслах, староверы-липоване создали эффективные экономические модели, позволявшие воссоздать замкнутый внутренний мир общины в сочетании с инновационно-продуктивной их материальной базой. Религиозные воззрения стимулировали такие виды деятельности как рыболовство, хлебопашество, ремесла и т.д. Эти уклады сложились за пределами региона и были «импортированы» вместе с их носителями. Но именно трансграничный характер проживания на Дунае позволил не столько улучшить эти хозяйственные традиции, сколько повысить их товарность за счет включения в торговые сети Европы.

В этом контексте каждая из старообрядческих общин создала своеобразную систему «натурального хозяйства», которая позволяла мало зависеть от окружающего населения и «начальства». Включенность в торговые операции и обмен с окружающим миром иногда разрушал этот целостный мир. Так, например, нередко рыбацкие общины (Вилково или Новая Некрасовка), испытывавшие дефицит пахотной земли, рассчитывали на адекватный обмен результатов своего труда на продукты хлебопашества. Практически все старообрядческие поселения испытывали необходимость в товарах животноводства. Подобная кооперация с соседями (далеко не всегда конфессионально близкими) способствовала формированию регионального рынка. А он, в свою очередь, обусловил необходимость в старообрядческом труде. Липоване поставляли на местные базары рыбу, зерно, огороднические культуры, всевозможные плетеные изделия из камыша и т.д. Но, пожалуй, главным оказался ряд промыслов и ремесел, в которых старообрядцы значительно преуспевали до середины XX в.: земляные работы, плотники, каменщики и т.п. На рынках рабочей силы липован нанимали не только за счет высоких профессиональных качеств, но и за счет личностных свойств, порожденных конфессиональным характером группы (честность, трезвость, аккуратность и др.). «Экскаватор с лопатой» — неслучайное народное прозвище липованина уже в XX в.

Серьезную роль сыграли старообрядческие капиталы общин, которые концентрировались в руках представителей купеческого сословия. Они составляли значительную часть во всех городах региона,

сопоставимую с еврейскими и греческими купцами. Они выступали важными функциями посредничества с другими торгово-финансовыми сетями Европы и Российской империи. Они «работали» не только в экономическом смысле, но и обеспечивали религиозно-ритуальную жизнь (священство, образование трехчинной иерархии, храмово-монастырское строительство и т.д.). На базе их в начале XX в. начали формироваться фабрично-мануфактурные производства в городах (например, текстильные в Килие или кирпичные в Измаиле).

Советские преобразования трансформировали как раз этот слой старообрядческого социума. В результате, в колхозной системе продолжились традиции хозяйствования предыдущего этапа, но вот результаты его уже не приносили экономической независимости религиозно-территориальным общинам. В результате начали складываться новые формы индивидуальной (семейной) активности: ловля и продажа лягушек, раков, рыбы; выращивание качественных огороднических культур и т.д. Практически каждая из общин к 1980-м гг. обладала устойчивой специализацией на рынках области (особо отметим ранние сорта картофеля (Муравлевка и Васильевка), клубники и винограда (Вилково), мяса для городских рынков (Старая и Новая Некрасовки) и т.д.). Именно эти отрасли стали ведущими в ходе «прихватизации» и переходе на рыночную ситуацию в конце XX — начале XXI вв. Существенные инновации были порождены включением липован в транснациональные обменные операции. Так, например, вилковские старообрядцы кроме традиционной рыбы и клубники, стали косить и продавать «камыш» «в Европу» или их соседи — липоване Приморского — полностью переключились на курортно-досуговое обслуживание туристов со всех уголков бывшего СССР. Эти новые вызовы разрушают традиционные социальные структуры села, в т.ч. — и церковные. Индивидуализация экономики приводит к видимой самостоятельности публичной и приватной жизни, в которой нередко церкви и жестким нормам уже не находится места. В результате из социальной обязательности вера становится элементом личного выбора и знаком приверженности традициям.

Роль староверов в текстильной промышленности Московской губернии XIX века: как установить объективную картину?

The Role of Old Believers in Moscow Nineteenth Century Textile Industry: What is the Evidence?

Расков Данила Евгеньевич

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Danila Raskov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: danila.raskov@gmail.com

Куфенко Вадим Сергеевич

Университет Гуггенхайма, Германия

Vadim Kufenko

University of Hohenheim, Germany

E-mail: vkufenko@gmail.com

Широкому кругу исследователей известна особая роль религиозных меньшинств в раннем капиталистическом развитии: иудеи и протестанты в Европе и Америке, меннониты в США, квакеры в Великобритании, джайны в Индии, староверы в России. Последний пример стал почти «общим местом». При этом действительная роль староверов в развитии различных отраслей и регионов остается практически не исследованной, дело в основном ограничивается упоминанием наиболее известных династий Морозовых, Гучковых, Рябушинских либо неподкрепленными оценками. К числу исключений можно отнести ряд работ. П. Рындзюнский (1950), У. Блэквелл (1965), А. Гершенкрон (1970), которые наметили общее описание роли староверов в становлении и развитии московской текстильной промышленности; А. Беляев (1979), А. Стадников (2002) и Д. Расков (2012) - предприняли попытки дать не только вербальное, но и статистическое описание этого явления.

Главной задачей нашего исследования явился сбор и анализ максимального количества доступных источников для определения действительной роли староверов в московской текстильной промышленности XIX века. Эта работа велась по двум направлениям. Во-первых, установить какие крестьяне и купцы были старообрядцами, т.е. по большей части прихожанами Рогожской общины поповцев, либо Преображенской общины федосеевцев. Для этого использовались данные девятой (1850) и десятой (1857) ревизий, официальные отчеты, внутренние документы общин (протоколы, синодики, некрополи, переписка) датированные с 1808 по 1905 годы. Во-вторых, сведения о частных фабриках и товариществах в текстильной индустрии за период с 1832 по 1890 годы. Это позволило проанализировать участие староверов в промышленности в динамике.

В эмпирической части исследования были достигнуты следующие результаты: во-первых, староверы были сверх-пропорционально представлены в текстильной промышленности, что является косвенным свидетельством о повышенной склонности к предпринимательству; во-вторых, в некоторых отраслях староверы доминировали (к примеру, в шерстоткацкой); в третьих, в период с 1832 по 1871 гг. доля староверов в текстильной промышленности была стабильной (особенно в производстве шерстяной и хлопчатобумажной продукции), однако после 1871 наблюдался спад; в четвертых, согласно гистограммам, фирмы, принадлежащие староверам, нанимали значительно больше рабочих, при этом эффективность фирм староверов относительно оборота на одного рабочего была ниже. Спад после 1871 года

может быть частично объяснен ограниченностью выборки и общими тенденциями в текстильной промышленности.

Установление более ясной картины относительно динамики участия староверов в текстильной промышленности Москвы позволило вернуться к обсуждению дискуссий о причинах успеха конфессиональных меньшинств. С одной стороны, аскетизм, трудолюбие, методичность, ориентация на земной успех позволяют задействовать гипотезу Вебера об устойчивости хозяйственной этики. С другой, старый аргумент Петти, о том, что гонимое меньшинство или «гетеродоксальная часть общества» более склонна к предпринимательству, который импонировал в этой дискуссии Гершенкرون. Для экономистов это противопоставление может быть сведено к роли человеческого и социального капитала. Несмотря на то, что еще требуется дополнительная дифференциация факторов успеха староверов в экономике, выявленная динамика позволяет сделать вывод о том, что староверы в большей степени реализовали инновационный потенциал в рамках крепостного хозяйства и более традиционного типа отношений.

Дехристианизация и экономические институты современного капитализма

Dechristianization and the Economic Institutions of Contemporary Capitalism

Розмаинский Иван Вадимович

Санкт-Петербургский
государственный университет;
Национальный исследователь-
ский университет – Высшая школа
экономики, Санкт-Петербург, Россия

Ivan Rozmainsky

St. Petersburg State University; National
Research University – Higher School of
Economics, St. Petersburg, Russia

E-mail: irozmain@yandex.ru

В данной работе предлагается новая концепция, которая, с одной стороны, направлена на объяснение ряда экономических проблем, связанных с современным капитализмом, а, с другой стороны, ориентирована на объяснение причин серьезных изменений его некоторых неформальных институтов.

Отправной пункт рассуждений связан с констатацией ряда аспектов, которые являются фундаментальными для функционирования системы рыночного капитализма и связаны с неформальной частью его институциональной среды. К ним следует отнести склонность брать на себя обязательства; склонность выполнять взятые на себя обязательства; ограничение оппортунистических тенденций в собственном поведении; нормальная (а не заниженная) оценка будущего времени и доверие к окружающим людям. Именно эти свойства обеспечивают эффективную децентрализованную координацию хозяйственной деятельности в пространстве и во времени. Иными словами, только при наличии этих свойств экономическая система, основанная на безличных долгосрочных контрактных обязательствах, может успешно функционировать. В то же время, недостаток или отсутствие любого из этих свойств может подорвать систему, основанную на горизонтальной безличной координации хозяйственной деятельности. Невыполнение обязательств, а то и прямой обман, недоверие к людям, нежелание брать на себя обещания, а также отказ учитывать что-либо, выходящее за рамки сиюминутных выгод, — всё это затрудняет работу системы, основанной на экономических свободах, а то и делает ее функционирование невозможным.

В последние десятилетия в большинстве западных капиталистических стран — особенно протестантских — наблюдается дехристианизация, проявляющаяся не только в уменьшении количества лиц, позиционирующих себя в качестве практикующих христиан, но и в закреплении норм, вытесняющих христианские ценности из общественной жизни этих стран. Христианская этика вытесняется этикой гедонизма, потребительского отношения к жизни. Однако в долгосрочной перспективе это может негативно сказаться на экономических институтах современного капитализма.

Дело в том, что перечисленные выше неформально-институциональные характеристики формируются именно христианской этикой. Размывание этой этики приводит к деградации этих неформальных институтов. Нормы, предписывающие выполнять обещания, не обманывать партнеров, доверять им, думать о будущем, — постепенно отмирают. В результате оппортунизм и инвестиционная близорукость постепенно могут превратиться в нормы. Но при таких нормах система рыночного капитализма не может функционировать успешно и может деградировать в какую-то иную, менее эффективную систему.

Христианская антропология и ее влияние на экономическую мысль

Christian Anthropology and its Influence on the Economic Thought

Румянцев Михаил Алексеевич
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Mikhail Rumyantsev
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: churila@yandex.ru

1. Экземпляровский В. И. Учение древней
Церкви о собственности и милостыне.
Киев, 1910. С. 51, 154

Ученый не может так или иначе не противостоять «духу эпохи», не видеть его относительности и несовершенства. В области знания, именуемого «экономика и религия», порой действует иная тенденция. Особым успехом пользуется обращение к предпринимательской этике, к вопросу о влиянии конфессиональных особенностей на формирование капитализма и морали успеха. Тем самым воспроизводится не христианское, а сектантское (кальвинизм) понимание богатства и собственности как своеобразной «награды». Христианская интуиция о бедности и богатстве исходит из того, что высший пример бедности дал сам Христос. В труде богослова В. И. Экземплярского со святоотеческой точки зрения был рассмотрен вопрос о природе частной собственности. Экземпляровский убедительно показал, что «Право собственности не принадлежит к области благодатной христианской жизни, к сфере Божьего царства и потому не может быть рассматриваемо как святыня для христианской совести, и к нему не может быть прилагается предикат «священное», но лишь «неприкосновенное». При этом «самый факт разделения людей на богатых и бедных... не есть Божий дар человеку, но такое разделение есть результат недостатка братской любви среди людей и обиды слабейших более сильными».¹ Скрытая апология бизнес-практик в ущерб остальным видам труда противоречит традициям русской классической литературы и христианским нормам. Подлинная проблема «экономики и религии» — это антропологическая проблема. И М. Вебер и В. Зомбарт изучали, прежде всего, не влияние «этики» на «эффективность институтов», а антропологический перелом эпохи раннего капитализма.

Методологически, вопрос о взаимовлиянии религии и экономики решается путем введения принципов институционального анализа и маркировки соответствующих религиозно-хозяйственных институтов. Познавательные структуры экономистов оказываются внешними для жизни людей, они ускользают от сознания членов изучаемого религиозного сообщества. А если посмотреть с другой стороны, изнутри религиозно — хозяйственного контекста? Тогда мы обнаружим реальные поведенческие модели реальных людей, которые выражают общество в его всецелом историческом бытии. Думается, подобный подход уместен и для т.н. «экономической теории религиозной жизни». В этом ракурсе установки экономистов и открытые ими закономерности выступают как определенные моральные нормы, которым они следуют в своих исследовательских программах. Приведу два примера. А. В. Чаянов

разрабатывал теорию крестьянской кооперации с целью избавить человека от «демонов» капитализации и принудительной социализации. Дж. М. Кейнс в своем главном сочинении руководствовался интенцией «облегчения страданий», которые причиняет людям безработица. Теории Чаянова и Кейнса дают гораздо больше понимания всего драматического контекста «экономики и религии», нежели «внешние» изыскания на базе теории рационального выбора, институциональной экономики или наивные количественные подсчеты числа верующих в их корреляции с индексом счастья.

Элегантные стилизации под «экономику и религию» позволяют придать современной экономической науке необходимую ей контрастность и отвести для «творческих интеллектуалов» некую критическую периферию. Главное, чтобы уровень осмысления не превышал принятые нормативы дозирования «религиозного аспекта».

Религиозная этика и «антропологическая революция»

Religious Ethics and «Anthropological Revolution»

Рязанов Виктор Тимофеевич
Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Victor Ryazanov
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: v.rjazanov@mail.ru

Традиционно место и роль религиозной этики в жизни общества связывается с ее влиянием на истоки и формирование хозяйственных систем, хотя изначально религиозность по своей сущности враждебна сфере экономики. Тем не менее, одной из детерминант хозяйственной этики стала «религиозная обусловленность жизненного поведения» (М. Вебер).

Несовместимость современной неолиберальной рыночной экономики и общества с традиционными религиями во многом предопределила наблюдаемый «религиозный ренессанс» в мире, выражающийся как в заметном росте числа людей, идентифицирующих себя с той или иной конфессией, так и со стремлением разных социальных слоев населения найти морально-нравственную опору в традиционной религии. Безусловно, быстрый рост приверженцев основных религиозных течений вряд ли отражает радикальные изменения в сознании и верованиях людей, далеко не всегда он даже сопровождается достаточно строгим соблюдением внешних религиозных ритуалов и норм. Но само такое стремление к возрождению религиозных этических норм лишь подтверждает сохраняющуюся взаимосвязь религии с экономикой и другими сферами жизнедеятельности общества.

Правомерность критики капиталистического производства и общества достаточно очевидна и она — в самом мягком варианте — связана с признанием того, что капитализм — далеко не самое лучшее изобретение человечества. Пока мировому капитализму в качестве сильного конкурента противостоял мировой социализм, это заставляло его сдерживать свою экспансию, смягчая тем самым имманентно присущие ему противоречия. В ситуации, когда мировой капитализм остался один на один с глобальными проблемами, самосохранение современной цивилизации становится еще более актуальным и важным.

Осмысливая опыт хозяйствования, в частности, причины неудачи социалистических экспериментов в XX в. и перспективы развития мирового сообщества в будущем, полезно обратиться к антропологическому ответу на глобальные проблемы, стоящие перед человечеством. Речь идет о том, что такое антропологическое объяснение связано с тем, что их разрешение должно быть увязано не столько с изменением внешних условий — в рамках преобразований экономических и социально-политических систем, сколько с необходимостью преобразования самого человека. Не революция «извне», а революция в самом человеке — вот путь, останавливающий катастрофическую линию в развитии современной цивилизации.

О необходимости и направлении такой «антропологической революции», ведущей к экономическому и социально-политическому переустройству на основе преобразования человеческой природы и поведенческих моделей, можно найти немало подтверждений из самых разных источников, прежде всего представленных в трудах христианских мыслителей прошлого и настоящего и в работах ученых социально-гуманистического направления. При некоторых разночтениях в трактовках, тем не менее, как одно, так и другое направление предлагают совпадающие решения. Вот как они звучат.

Нынешний кризис выживания обусловлен тем, что антропологическая модель человека как существа, одержимого жадной господства, имманентно присуща европейской научно-технической цивилизации. А потому выход из него видится в «антропологической революции» как процесс создания новой субъективности. «Речь идет не о нашем освобождении от бедности и нужды, а об избавлении от нашего богатства, от нашего явно избыточного благосостояния» (И. Б. Мец). Такая революция представляет собой христианскую реакцию на кризис выживания.

Созвучные идеи и оценки обнаруживаются и во взглядах представителей социально-гуманистического направления общественно-научного движения. Для него характерно повсеместное поддержание гарантированного минимального уровня жизни и одновременно установление «социального максимума», определяющего верхние пределы, за которыми потребление и расточительство становятся предосудительными, даже преступными, и должны наказываться и пресекаться. В этой связи выдвигаемая идея «человеческой революции» призвана «восстановить культурную гармонию человека, а через нее и равновесие, и здоровье всей человеческой системы» (А. Печчеи).

Конечно, такого рода оценки могут показаться нереализуемыми и просто утопическими проектами. Тем более в настоящее время, когда в общественном сознании доминирует неолиберальная идеология. Однако то, что предлагается в качестве «антропологической революции», вполне реалистично с точки зрения преодоления самого кризиса дальнейшего существования современной цивилизации и это уже немало.

В этой связи главной экономической проблемой становится обоснование возможности создания модели экономики, которая не основывалась бы на безграничности потребностей людей, трансформировавшись в «экономику ограниченных человеческих потребностей». На современном этапе в качестве ограничителей вводят

ся ресурсы и это объективно сдерживающий предел возможности развития производства, который пока удастся преодолевать за счет повышения эффективности их использования благодаря НТП и вовлечения замещающих ресурсов, в том числе синтетических. Вместе с тем реальность дальнейшего усиления ресурсного перенапряжения не может не вызвать вопроса о целесообразности распространения самого принципа ограниченности и на сферу потребления человека. Если не растущие потребности людей, то, что в таком случае должно обеспечивать стимулирование производства? На этот непростой вопрос, конечно, трудно найти ответ в рамках существующей системы хозяйствования и сложившихся традиций экономического поведения. Остается надеяться на то, что со временем удастся подойти к ответу на него и тогда обращение к опыту далекого прошлого поможет успешно разрешить задачу создания нового стимулирующего механизма в экономике.

Средства массовой информации и религиозный выбор

Media and Religious Choice

**Скоробогатов Александр
Сергеевич**

Национальный исследовательский
университет – Высшая школа
экономики, Москва, Россия

Alexandr Skorobogatov

National Research University – Higher
School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: skorobogat@mail.ru

Выступление Pussy Riot в Храме Христа Спасителя и последующий арест участников этого коллектива вызвали интенсивные споры по поводу интерпретации этих фактов. Помимо прочих последствий, эта история привлекла огромное внимание к церкви, ее духовенству и простым верующим. Возросший интерес к церкви был встречен СМИ. Соответствующие события и их оценки интенсивно освящались и обсуждались в различных информационных агентствах. В официальных средствах массовой информации события подавались и интерпретировались в благоприятном для церкви свете, в то время как альтернативные средства массовой информации отличались некоторым разнообразием оценок. Один из самых важных альтернативных источников в наше время — Интернет. Его аудитория постоянно растет, и к 2012 г. достигла приблизительно половины населения России.

Историей с Pussy Riot можно воспользоваться как естественным экспериментом, который позволяет определить влияние СМИ на религиозный выбор. Этот эффект пока недостаточно изучен, несмотря на долгую историю религиозности в России и других странах.

Согласно опросам ВЦИОМ, доля людей, которые определяют себя как православные в России, увеличилась с 20% в 1989 до 68% в 2012. Точно так же изменение отношения государства к религии после российской Революции в 1917 от мощной поддержки до гонений привело к обратному эффекту. Таким образом, в течение менее ста лет относительная численность православных в России изменилась от подавляющего большинства к незначительному меньшинству и обратно к большинству.

В истории национальный религиозный выбор обычно изменялся очень медленно. Во многих, если не во всех, странах, большая часть сторонников принадлежит тем же самым религиям, которым большинство этих стран принадлежало тысячу или больше лет назад. Учитывая этот факт, вышеупомянутый резкий скачок доли православных в течение постсоветского периода - исторически выдающийся и во многом загадочный факт.

Очевидно, государственная политика играла главную роль в этом процессе. И относительно маленькие доли сторонников в советские времена, и в несколько раз более высокие их доли сегодня могут быть приписаны соответствующей правительственной политике относительно идеологии и религии. Государство поддерживало некоторые взгляды и через прямое насилие и через убеждение.

Что касается последнего, одним из средств в руках государства для продвижения идеологических/религиозных установок и ценностей были и остаются средства массовой информации. СМИ были против религии в прошлом и, наоборот, они поощряют людей иметь религиозные убеждения в современной России. Однако в этом отношении есть важное различие. В советское время официальные средства массовой информации были почти единственным источником информации, в наше время есть альтернативные и общедоступные источники, в особенности Интернет.

Наш исследовательский вопрос — каков эффект СМИ на религиозный выбор? В частности, нас интересует то, как альтернативный источник информации может повлиять на религиозный выбор.

История с Pussy Riot послужила в качестве естественного эксперимента. Она привлекла внимание общества к религиозным темам и, таким образом, заставила людей думать об этом. В то же время, общество не было однородным в плане информации, которую оно получило. В общих чертах, были люди, которые получали информацию от официальных источников и были те, которые получают информацию от альтернативных источников. Официальные и альтернативные источники отличались друг от друга их отношением к церкви и ее духовенству. Официальные СМИ сообщили об истории в благоприятном для церкви свете, а большая часть альтернативной информации давала намного менее привлекательную картину церкви. Если бы СМИ действительно играли роль в определении религиозного пейзажа, можно было бы ожидать в этой ситуации систематическую разницу в динамике религиозности между теми, которые получают только официальную информацию, и теми, кто испытывает на себе влияние из альтернативных источников.

Таким образом, появляется возможность воспользоваться стандартной эмпирической стратегией для оценки влияния политики. Знакомство с альтернативным освящением темы измеряется через бинарную переменную использования Интернета. Эта переменная позволяет нам различать экспериментальную группу — интернет-пользователей — и контрольную группу — тех, которые не используют Интернет. Мы рассматриваем историю с Pussy Riot как естественный эксперимент, в котором экспериментальная группа подвергалась воздействию некоторой отрицательной информации о церкви, а контрольная группа такому воздействию не подвергалась. Эксперимент проводился в течение 2012 г., непосредственно после выступления Pussy Riot.

Состояние умов до и после этой истории может быть прослежено, используя данные Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS). 20-й раунд опроса проводился в конце 2011 г., и 21-й раунд проводился в конце 2012 г. Таким образом, в нашем распоряжении результаты обзоров одних и тех же людей непосредственно до и после эксперимента.

Нашими главными зависимыми переменными были бинарные переменные для православного вероисповедания и для сильного православного присоединения, где разница между ними определялась важностью религии для респондентов, согласно их оценкам. Интересующими переменными, как и подразумевает наша эмпирическая стратегия, были бинарная переменная 2012 года, переменная для использования интернета и их взаимодействие. Наконец, мы использовали исчерпывающие наборы контрольных переменных.

Согласно нашим результатам, между двумя обзорами, 2011 и 2012 гг., рост относительной численности православных и сильных православных верующих был значительно ниже и даже отрицательным среди интернет-пользователей, чем среди тех, которые не используют Интернет. Аналогичные регрессии были оценены на данных между 2002 и 2003 гг., что мы трактуем как плацебо эксперимент. В этом случае никаких значимых результатов для интересующих переменных получено не было. Таким образом, альтернативные СМИ влияли на религиозный выбор в период, когда внимание общества было привлечено к религии, но не влияли в другое время, когда такого интереса не было.

Эти результаты позволяют сделать несколько общих выводов относительно СМИ и религии. Во-первых, СМИ оказывает сильное влияние на религиозную принадлежность. Во-вторых, в странах с государственной монополией на СМИ альтернативные источники информации могут сильно влиять на состояние умов населения. Это подразумевает, что резкие переходы между массовой религиозностью и массовым религиозным безразличием и/или атеизмом, как те, что были в России в течение последних ста лет, были бы намного более слабыми при наличии общедоступного альтернативного источника информации.

Болевые точки государственного управления в обществе потребления, конфликт ценностей и пороков

Sore Points of Public Administration in Consumer Society, Conflicts of Values and Vices

Соснило Андрей Игоревич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия

Andrey Sosnilo

Financial University under the
Government of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

E-mail: aisosnilo@fa.ru

За последние десятилетия мир всё сильнее и сильнее меняется под воздействием прогресса. Информационная доступность становится всё больше. В мире становится больше скептиков, учёных, атеистов, приверженцев различных социальных меньшинств, чьи ценности антагонистичны ценностям традиционным и ценностям религиозным.

Столкновение цивилизаций, переросло в столкновение религий, традиционных ценностей и ценностей потребительского общества, прихотей и пороков, умышленное разжигание межконфессиональной розни.

Религии, которые вместе мирно сосуществовали столетиями в Египте, Сирии, России, других странах, по какой-то невообразимой причине с подачи неких весьма финансово обеспеченных сил, превратили жизнь этих стран в кровавое побоище, начинающее достигать вершин бесчеловечности, аморальности и вандализма, заявленных ещё нацистами.

Искусственность столкновения религий видна по числу наёмников, участвующих в этой бойне, где совершают массовые убийства мирных жителей, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков, которые никакого сопротивления оказать не способны. Речь идёт о тысячах жертв среди одноверцев и представителей христианства.

Однако, за занавесью религии проступают экономические мотивы сил, которые финансируют работу этих человекоподобных банд. Их руками вполне благополучные страны погружаются в пучину хаоса и убоиц, теряют полный контроль над суверенитетом, недрами, превращаются в послушных поставщиков ресурсов и рынки сбыта товаров компаний из развитых стран.

В этом смысле экономические интересы практически всегда переплетены с религиозными, часто лежат в основе принятия решений религиозными деятелями. Экономика и религия две основные причины всех войн на Земле, поскольку в основе конфликтов лежат чаще всего либо те, либо другие интересы.

Часто основу любого рода радикализма и терроризма составляет бедность. Как правило, именно наиболее социально незащищённые слои населения оказываются втянуты в террористические организации.

Новым устойчивым трендом последних лет является ещё один конфликт — столкновение традиционных ценностей и интересов различного рода меньшинств, в первую очередь секс меньшинств. Одним из самых обсуждаемых вопросов в Европейских странах и

США в последние годы является вопрос о признании права регистрации однополых отношений.

Необходимо отметить, что ответ на этот вопрос разделил общество на два полярных лагеря и в Европе, и в США, и в других странах. Политические акции в поддержку той или иной стороны собирают многотысячные митинги.

В США, например, откуда исходят пропагандистски идеализированные мифы о демократии, свободе и т.п. в таких штатах как Техас или Алабама действуют такие же и еще более жёсткие законы о запрете пропаганды гомосексуализма, как и в России. Говорить о гомосексуальности, как альтернативе гетеросексуальности запрещено.

С каждым годом нарушается всё больше табу, средства массовой информации оказываются вовлечены в открытую и скрытую рекламу разнообразных пороков (продуктплейсмент). Много из того, что навязывается Голливудом и СМИ, компьютерными играми, разрушает традиционные общественные ценности, подрывает их авторитет, демонстрирует убийство человека как нечто ничего не значащее, герои американских кинолент легко и беззаботно убивают десятки людей, они безнаказанно воруют миллионы, курят, употребляют алкоголь и наркотики, снимают проституток, живут роскошной жизнью и пр.

Возможно, именно поэтому в США в тюрьмах пребывают больше всего людей. По количеству убийств, они занимают одну из лидирующих позиций, в стране всё чаще появляются стрелки, убивающие простых прохожих и дети, убивающие своих одноклассников и однокурсников. Реклама человеческих пороков приносит свои плоды.

Человечество всё больше идёт по пути неумеренности в еде, потреблении, удовлетворении своих прихотей. Механизм рыночной экономики требует постоянного экономического роста.

Религия сама по себе полна противоречий и не может выступать в качестве универсального мерила, но и экономические категории подчас ведут человечество к пропасти, к уничтожению собственной среды обитания. Наиболее приемлемой линией, вероятно, было бы более сдержанное поведение, активизация самоконтроля и ответственности за нечто большее, чем исключительно персональные желания.

Gellt est verbum Diaboli

**Тарабанов Арсений
Эдмундович**

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Arseny Tarabanov

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: emedu@mail.ru

Известный тезис Мартина Лютера о «деньгах как слове дьявола» демонстрирует нам парадигматический сдвиг в отношении денег, который привел к созданию универсальной монетарной парадигмы принципиально отличающейся от ряда локальных парадигм, вроде парадигмы «ракушечных денег», описанных К. Поланьи. Деньги — язык дьявола, основанный на универсальном семиозисе. Результатом этого семиозиса является возникновение всеобщего обмена монетарных знаков, которые могут даже репрезентировать человеческие души.

Так и Фауст Гете является участником целого ряда контрактов, в которой одна из сторон предлагает другой некоторый депозит на определенных условиях. В частности, Фауст закладывает свою душу для того чтобы получить доступ к некоторой власти. Контракт Фауста и Мефистофеля выносит на свет попытку осуществить средствами языка трансформацию библейского текста, Слова, в реальное действие. В «Фаусте» мы видим целый ряд контрактов связанных с переводом интеллектуальной собственности на некие идеи посредством языка в объекты собственности на материальные блага, представленные в экономической сфере.

Фауст преодолевает свое изначальное финансовое и интеллектуальное банкротство, обращаясь к магии в поисках сокровищ символического мира и сокровищ в себе.

Ранний протестантизм был глубоко осведомлен о «дьявольской», симулятивной природе денег и отдавал онтологический приоритет процессу труда.

Монетарная парадигма, исходящая из всеобщей эквивалентности обмена, с точки зрения религии, является дьявольской. Дьявол может предоставить любое благо, но и потребовать в обмен любое. По сути дела, он является агентом, обладающим полнотой информации по отношению к принципалу — искушаемому человеку, например, Фаусту.

Вообще говоря, религиозное сознание следует в область метафор, приписывающих аналогические соответствия между деньгами и языком — одну из самых продуктивных в Западной культуре. Еще предостережение Квинтилиана о том, что слова нужно тратить столь же бережно, что и деньги, Овидий сопроводил ремаркой, что слова, как и монеты, чеканятся общественным признанием. Знаменито сравнение Ницше, приравнивающее деньги к словам, поскольку и те и другие утрачивают свое влияние по мере вовлеченности в оборот. И, наконец, определение Соссюром лингвистического

значения как монетарной ценности. Все эти метафоры имеют одно общее — привлечение практических ситуаций денежного обращения для прояснения функционирования и использования языка.

Историческое расширение этого метафорического поля произошло через широкую культурную дисперсию его в большинстве европейских языков — сравнения денег и языка достаточно широко распространены в трудах англо-, франко- и германоязычных авторов.

Необычная живучесть аналогии между деньгами и языком отразилась в дальнейшем расширении и экспансии некоторой семиотической территории, которая вобрала ее в себя.

Кроме достаточно часто имеющей место идентификации слов с монетами многие другие элементы пришедшие из финансовой сферы, такие как обращение, обмен, накопление, подделка, вложение часто используются для метафорической презентации внутриязыковых процессов. Витальный характер и разнообразие этого метафорического поля является ясным указанием на то, что аналогия между деньгами и языком, в частности, а в целом между экономической и лингвистической сферами предопределена онтологическим статусом субстанциального капитала. И здесь вполне оправдано мнение Жан-Жозефа Жу, говорящего о том, что когерентность и органическая близость между этими двумя структурными элементами метафор отражает не столько чистоту аналогии, сколько фундаментальный изоморфизм двух онтологических сфер: денег и языка.

Религиозное сознание осведомлено об этом фундаментальном изоморфизме денег и языка, но полагает его временным и онтологически недостаточным.

Религия как институциональный фактор сплачивающих связей и доверия

Religion as an Institutional Factor of a Rallying Ties and Trust

**Тулчинский Григорий
Львович**

Национальный исследовательский
университет – Высшая школа
экономики, Санкт-Петербург, Россия

Grigoriy Tulchinskiy

National Research University – Higher
School of Economics, St. Petersburg,
Russia

E-mail: gtul@mail.ru

Традиционно — от М. Вебера до М. Олсона, Ф. Фукуямы и Л. Харрисона — религии в динамике экономического развития отводится роль ценностного фактора. Однако критический анализ концепции человеческого развития Р. Инглхарта и неоинституционализм Д. Норта показывают важность институциональных условий развития экономики.

Предложенная автором ранее ценностно-нормативная модель социогнеза позволяет обобщить и систематизировать соотношение ценностных и нормативных аспектов в формировании и развитии социума. Тем самым выявляется роль неформальных (социально-культурных) и формальных (правовых и государственных) институтов, обеспечивающих формирование «сплачивающих» и «наводящих мосты» социальных связей и соответствующих форм доверия (П. Рикер, Ю. В. Веселов). При этом религиозные, этнические традиции выступают наиболее релевантными неформальными институциональными факторами.

В этой связи можно говорить о понимании и оценке роли коллективизма как фактора модернизации социума. С либеральных позиций он оценивается как одно из главных препятствий преобразования, лишаящее личность мотивов свободного и ответственного отношения к труду, своей жизни в целом. Поэтому условием успешной модернизации оказывается слом традиционной нравственности. С позиций же фундаментализма и изоляционизма, «особого пути» коллективизм трактуется как особое качество, отрицающее ценности модернизации, связываемые с индивидуализмом и потребительством. Однако простое обращение к фактам порождает серьезные сомнения. Разве японцы, корейцы, китайцы — меньшие коллективисты, чем, например, русские? Скорее наоборот. Но почему-то в Японии, Корее, Китае традиционный коллективизм не препятствует рыночной модернизации, даже способствует большей эффективности менеджмента, а в России почему-то становится камнем преткновения.

Обе упомянутые оценки часто подкрепляют свою аргументацию ссылками на авторитет М. Вебера и, прежде всего, на его работу «Протестантская этика и дух капитализма», в которой убедительно доказано, что Реформация явилась важнейшей и необходимой предпосылкой экономического преобразования западного мира. Однако, в классической работе М. Вебера имеется одно обстоятельство, которое почему-то часто упускается из виду: в ней речь идет не о протестантизме вообще, а о нравственной культу-

ре протестантских общин, прежде всего — кальвинистского толка, методистах, анабаптистах и т.п. Капиталистическую модернизацию западного мира, включая север Америки, осуществляли именно эти общины со свойственной им ригористической нравственностью.

Существование религиозной общины в конфессионально, культурно, а то и этнически чуждой среде, предполагало необходимость обеспечения воспроизводства этой общины: сохранение священных текстов, традиций, воспитание детей и т.д. Это, в свою очередь, предполагало активную хозяйственную деятельность с изрядной мотивацией самоограничения, а то и самоотречения, аскезы индивида во имя интересов общины. Иначе говоря, речь идет о довольно коллективистской нравственной культуре по отношению к хозяйственной и трудовой деятельности — в том числе.

Это наблюдение позволяет сделать вывод, что М. Вебером описан важный, но частный случай действия этого институционального фактора, когда некие сплоченные общины, оказавшись в культурно чуждой, а то и враждебной среде, вырабатывали мощную мотивацию к активной хозяйственной деятельности. Именно это является общим случаем, а то, на какой основе создавалась община, что обеспечивает ее сознание «Мы» — является частными проявлениями. Исторический опыт подтверждает этот вывод. Без учета этого обстоятельства оказывается необъяснимым опыт еврейской, армянской, китайской диаспор, для нравственной культуры которых характерна высокая степень мотивации на активную хозяйственную деятельность. В ряде случаев она дополнительно усиливалась прямым противодействием среды, например, запретами на владение недвижимостью, следствием чего стало вытеснение представителей скотоводческой и земледельческой культур в коммерческую деятельность.

Модернизацию японского общества осуществили остатки феодальных кланов. В Африке это делают тейпы. В Китае — семейные кланы. Да и в дореволюционной России предпринимательская и коммерческая элита состояла преимущественно из староверов и выкрестов из иудеев и мусульман, а также протестантов-инородцев.

Поэтому, во-первых, М. Вебером описан лишь частный случай социально-культурных предпосылок и механизма модернизации — для западного мира это были конфессиональные общины кальвинистского плана. Во-вторых, коллективистская мораль не противоречит рыночной модернизации, а наоборот — предполагается ею. И главное, в-третьих, для успешной модернизации в обществе должна

быть достаточно зрелая традиционная культура с ее общинно-коллективистским сознанием и мотивацией.

Оголтелый индивидуализм и потребительство не могут быть нравственной основой модернизации. Последняя предполагает нравственную аскезу, самоограничение индивидуального потребления в интересах общности. Из этого принципиального факта, применительно к современной России, можно сделать два, представляющихся существеннейшими, вывода: один оптимистический, а другой — трагический.

Оптимистический состоит в том, что традиционный российский коллективизм отнюдь не противостоит модернизации. Наоборот, он, да еще в сочетании с терпеливостью, неприхотливостью, смекалистостью и т.д. является золотым фондом реформирования и преобразования российского общества. Необходимы только реальное знание содержания и развития социальной культуры и опора на реальные социально-культурные механизмы структурирования общества, воспроизводящие этот коллективизм.

В этой связи на первый план выходит второй — трагический — вывод. Дело в том, что в России не вызрела традиционная культура. Ее ткани и механизмы постоянно и систематически разрушались серией реформ, проводимых сверху силовыми методами. В современной же России практически не осталось нормальных, здоровых механизмов структурирования общества, а значит — и обеспечения общинного сознания. В России практически не осталось структур зрелой традиционной культуры. Ведь не опираться же на общины типа «Белого братства». Хотя само возникновение и бурное развитие таких общин — очевидное подтверждение выводов «от противного». Аристократические кланы в России разрушены полностью. Семейная клановизация также оказывается практически невозможной — семьи порушены и «размазаны» в такой степени, что большинство знает, в лучшем случае, только своих бабушек и дедушек, да и то не всех. «Клановизация» на конфессиональной основе также оказывается вряд ли возможной. Как в силу апофатичности восточного христианства, не мобилизующего личность на жизнь в «этом мире», так и уже торжествующего консьюмеристского прагматизма.

А в отсутствие здоровых социально-культурных механизмов клановизации начинают действовать не здоровые, патологичные. Что и проявляется с очевидностью в России, где единственным реальным социально-культурным механизмом необходимой кланови-

зации оказались организованная преступность и коррумпированная бюрократия, кланы которых и осуществляют «модернизацию» России на свой лад. И вряд ли кто-нибудь сможет доказать, что в таком клане нет своеобразной «аскезы», самоограничения и работы на «общак», то есть своеобразного коллективизма. Срабатывает общий универсальный социально-культурный механизм. Другой разговор, что больному обществу характерны и болезненные, патологичные формы его развития.

Сказанное не вина, а беда нынешней России. Поэтому тем более важно не разбрасываться национальным опытом, но и не замыкаться в нем. Без опоры на реальное знание реального духовного и исторического опыта, реальное знание состояния общества и конкретные социально-культурные технологии, учитывающие это знание, принятие решений и попытки их реализации оказываются не только малоэффективными, но и безответственно усугубляющими патологические черты общества.

Об истоках и смыслах экономических идей Вальтера Бенямина (К генеалогии статьи «Капитализм как религия»)

About the Origins and Sense of the Economic Ideas of Walter Benjamin (to Genealogy of the Article «Capitalism as Religion»)

Фокин Сергей Леонидович

Санкт-Петербургский
государственный университет;
Санкт-Петербургский
государственный экономический
университет, Россия

Sergey Fokin

St. Petersburg State University; St.
Petersburg State University of Economics,
Russia

E-mail: serge.fokine@yandex.ru

В докладе речь пойдет о психологических, социологических и философских основаниях экономической концепции Вальтера Бенямина, отразившейся, прежде всего, в статье «Капитализм как религия» (1921), но также в работах о Париже, «столице XIX столетия» и Шарле Бодлере, «лирическом поэте высшей фазы капитализма». Главным теоретическим источником доклада является новое издание материалов к книге Бенямина о Бодлере, подготовленное и выпущенное Д. Агамбенем в 2013 г, которое радикальным образом меняет траекторию восприятия позднего творчества мыслителя.

Для интерпретации этого текста важно принимать во внимание то обстоятельство, что речь идет не столько о программной работе, сколько о черновом наброске, отличающемся недоговоренностью, обрывочностью, незавершенностью, что обуславливает необходимость выяснения не только теоретических источников концепции, но и ее позднейших интеллектуальных метаморфоз, в особенности, в грандиозном замысле книги о Шарле Бодлере, где автор «Цветов Зла» и «Сплина Парижа» рассматривается как выразитель духа и праха развитого капитализма.

В плане генеалогии необходимо сознавать также то, что, если книга М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», явилась важнейшим теоретическим мотивом экономической концепции Бенямина, более непосредственным ее источником оказалась работа Э. Блоха «Томас Мюнцер как теолог Революции» (1921), с которой мыслитель познакомился еще до выхода в свет и откуда позаимствовал саму формулу «Капитализм как религия», где протестантская этика сводилась к «религии Сатаны». Однако, в отличие от Блоха, полагавшего, что кальвинизм изменил истинному духу капитализма, Бенямин увидел, что сатанизм капитализма есть не случайная историческая подмена, осуществленная протестантизмом, а сокровенная суть нового способа воспроизводства религиозной структуры господства общества над человеком.

С другой стороны, воспроизводя в своей работе саму методологию социологии религии М. Вебера, Бенямин отказывается от аксиологически нейтральной установки «Протестантской этики и духа капитализма», намечая в «Капитализме как религии» вехи перехода на позиции критического героизма, которая будет особенно характерной для его работ конца 20-х – 30-х годов и которая наиболее

детально разрабатывается в замысле книги о Бодлере: образ деклас-сированного поэта XIX столетия, всеми своими силами и всем своим бессильем противопоставляющего себя неумолимой логике развитого капитализма, все и вся превращающего в товар, предоставляет немецкому мыслителю не только наглядный пример безработной негативности, но и нечто вроде блуждающего огонька самоидентификации, без которого испытание нищетой опыта, которое вынужденно проживает сам Беньямин в Париже 30-х годов, все время рисковало обернуться абсолютным интеллектуальным и экзистенциальным провалом.

«Аграрный вопрос» и антиклерикализм в России в первой четверти XX века

«The Agrarian Question» and Anticlericalism in Russia in the First Quarter of the 20th Century

Шахнович Марианна

Михайловна

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Marianna Shakhnovich

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: mmarsh@mail.ru

В докладе рассматривается народное представление о собственности на землю и его влияние на отношение крестьян в России к церковному землевладению. Отношение к земле как «божьей», то есть не имеющей права находиться ни в чьей собственности, кроме как у тех, кто ее обрабатывает, явилось важнейшим фактором антиклерикальных выступлений в России в первой четверти XX века, вызвавших передел церковных и монастырских земель. На основе архивных материалов показывается динамика захватов крестьянами монастырских земель и их роль в общем контексте развития секуляризационных процессов в России в 1905–1917 гг.

Теологические элементы в экономической теории: экскурс в историю

Theological Elements in Economic Theory: Historical Retrospective

**Шишкин Михаил
Владиславович**

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

Mikhail Shishkin

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: byssus@yandex.ru

Экономическая наука и теология на первый взгляд предстают как совершенно изолированные, чуть ли не диаметрально противоположные стороны человеческого знания. Однако, на самом деле, во многих направлениях экономической теории или явно или латентно присутствуют религиозные элементы.

В данном выступлении рассматривается влияние христианских идей различных конфессий на экономическую теорию, которое по-разному проявлялось на различных этапах развития экономической науки.

Первая форма влияния — непосредственное включение в экономическую теорию религиозных элементов, апелляция для доказательства тех или иных теоретических положений к трудам отцов Церкви. Эта форма влияния была характерна для ранних этапов развития экономической науки. Наиболее рельефно она проявилась в воззрениях крупнейшего средневекового деятеля католической церкви Ф. Аквинского.

Экономическое мировоззрение (вряд ли можно говорить о теории) средневековых мыслителей носило нормативный характер. В трудах Ф. Аквинского произошла попытка синтеза Священного писания с аристотелевской философией. Именно с этих позиций была сформулирована доктрина справедливости в обмене (теория справедливой цены) и в распределении.

Интересные связи христианских теологических теорий с экономическими воззрениями можно проследить в трудах поздних схоластов Лессии, Молины и де Люго. Ими было открыто, что в основе ценности лежат два фактора — полезность и издержки.

На дальнейшее влияние религиозных идей на экономическую теорию повлияли существенные изменения, произошедшие в Европе в XVI-XVII столетиях — Реформация и эпоха первоначального накопления капитала. Более светский характер протестантской идеологии, привел к тому, что в трудах лидеров этой конфессии — М. Лютера и Ж. Кальвина более широко были представлены экономические идеи.

Особую роль сыграл в этом вопросе М. Лютер, создавший одно из первых экономических произведений — «О торговле и ростовщичестве» (1524 г.). Была проанализирована торговля, (внутренняя и внешняя), резкой критике подвергнуто ростовщичество. Лютер оставил очень любопытные и вполне научные рассуждения о проценте, связанном с коммерческим и банковским кредитом. Он критиковал

праздность, сословное деление общества, утверждая, что люди должны отличаться лишь по их делам, прежде всего по труду.

Если протестантство усилило связь между теологической и экономической теориями, то Ренессанс эту связь ослабил, и, в конечном счете, свел только к латентному влиянию. Влияние Ренессанса было двояко: с одной стороны, он в значительной степени носил антиклерикальный характер, усилив светские начала в духовной жизни, а с другой — привел к развитию и дифференциации научного знания.

В этих условиях религиозные начала мало прослеживались в концепциях экономистов. Появление классической политэкономии несколько изменило эти связи. С одной стороны, классика стремилась к формализации знания, поэтому религиозные составляющие выводились за рамки экономической теории. Но, с другой стороны, классика включала в свою систему ряд норм, почерпнутых из религиозной нравственности.

Связь религиозных воззрений и экономической теории более рельефно прослеживалась в XVIII — начале XIX столетий в трудах экономистов не входящих в число классиков. Ярким примером этой связи является теория Т. Р. Мальтуса.

Мальтус обосновал свою теорию народонаселения положениями из Священного Писания и связал ее с первородным грехом, наказанием за который и выступает неумеренный рост населения.

Дальнейшее развитие экономической науки усилило формализацию знания и привело во второй половине XIX в. к разделению на нормативную и позитивную экономическую теорию. Позитивная теория носила функциональный характер и поэтому связь с религиозными воззрениями ее авторов трудно проследить. В нормативной теории эта связь более заметна, т.к. сторонники этого направления ставят перед экономической теорией некоторые социальные цели, зачастую опирающиеся на соответствующие религиозные представления.

Религия и экономика как единый социальный институт

Religion and Economy as a United Social Institute

Шишкина Татьяна Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Tatiana Shiskina

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: byssus@yandex.ru

В архаических обществах религия и экономика не просто тесно связаны, но представляют собой две неразделимые части одного целого. Экономическая деятельность, с одной стороны, является реальным воплощением традиций и религиозных убеждений, переводит их в плоскость реальных действий, религия, с другой стороны, обуславливает, стимулирует, социализирует и легитимизирует экономическую деятельность. Таким образом, мы видим единый институт.

Мы можем наблюдать в таких классических ритуалах, реализованных в виде актов дара и обмена, как религиозные убеждения и экономическая деятельность дополняют друг друга и друг в друге обретают полноту смысла. Так, потлач — ритуал индейцев тихоокеанского побережья, описанный подробно М. Моссом, и представляющий собой демонстративное одаривание или вовсе уничтожение собственности, бессмысленен в чисто экономическом ключе, но приобретает смысл, если добавить символическое значение — дарение вещи означало демонстрацию своего статуса и влияния. Объект и субъект в архаическом обществе не разделялись как таковые в современном понимании (дань анималистическим религиозным убеждениям), акт дарения в потлаче устанавливал, таким образом, связь и обязательства получателя перед щедрым дарителем. Что интересно, аналоги такого установления властных отношений через демонстративное отчуждение мы находим и в других, далёких от описанной Моссом культурах. Так, к примеру, мы находим в древнескандинавской практике слова «giöf» (дар) и «laun» (возмещение за дар), являющиеся частью ритуала, связанного с возникающими вследствие акта дарения властными отношениями и обязанностями. Подобные обязанности не имеют экономической причинности, они обусловлены религиозной убежденностью, однако, имеют реальные экономические последствия (сопровождаемые и частично порожденные так же традицией) и, что для нас особенно важно, экономическую форму.

В более поздних и развитых культурах мы находим не только продолжение этого паттерна — экономические действия воплощают религию, переводя её в материальную сферу, но и частично обратный процесс — религия сопровождает экономическую практику как легитимизатор и объяснение. Религия не только узаконивает в сознании власть вождей, а позднее и королей (более того, в нарочито антиклерикальных диктатурах вера в лидера становится субститутом религии), но и легитимизирует экономическую повседневность.

То, что можно трактовать как нерациональное экономическое поведение и/или социальную несправедливость, религия объясняет в своей традиции. Классический пример этого — кастовые системы, существовавшие как в Древнем Египте, так и в Индии. Расслоение, отсутствие социального лифта, разрыв в уровне жизни объяснялся традицией и напряженность снималась религиозными убеждениями.

В связи с вышесказанным мы можем задаться вопросом — что происходит с экономикой при уменьшении роли религии в обществе? Каким образом объясняется символическая часть экономического акта или сложившееся социально-экономическое положение дел при снижении клерикальных настроений? Одним из ответов представляется создание квазирелигий, т.е. традиций и убеждений, не имеющих теологической основы, но сохраняющих некоторые черты религии — в частности, её способность объяснять символическую сторону экономического акта. Это может осуществляться прямо (марксизм в коммунистических странах), или косвенно, через закономерный рост символической значимости одной составляющей (экономической) при снижении другой (религии). Примером может служить этика общества потребления, и, как ответ, возрастающий интерес к духовным практикам, предполагающий отказ от излишнего потребления.

Экономическая деятельность Александро-Невской Лавры в XX веке

Economic Activities of Alexander Nevsky Lavra in 20th Century

**Шкаровский Михаил
Витальевич**

Центральный государственный
исторический архив Санкт-Петербурга,
Россия

Mikhail Shkarovskiy

Central St. Petersburg state historical
archive, Russia

E-mail: shkarovs@mail.ru

В начале XX века Александро-Невская Лавра, несмотря на относительно небольшую численность братии (около 100 человек) имела большое и разнообразное хозяйство. Лаврский капитал к 1917 г. достигал 1800 тысяч рублей, а доходы в 1915 г. равнялись 699, 3 тысяч, уступая в стране из монастырей только Киево-Печерской Лавре; в 1916 г. доход только от арендных статей составил 369 тысяч рублей, а от кладбищ — 181 тысяч. Обители принадлежали сдаваемые в аренду 14 жилых домов на близлежащих проспектах и улицах, а также 41 амбар, 60 кладовых и 4 подвала на набережной Невы. Кроме того, лаврской собственностью являлись 103 земельных участка в городе, 51 десятина земли и водяная мельница в имении Серафимово Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Уже вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. — в 1918–1923 гг. все капиталы, предприятия и другое имущество Лавры было национализировано. Во второй половине 1920-х гг. главные финансовые заботы были связаны с проведением требуемых властями дорогостоящих ремонтных работ действовавших храмов, а также уплатой постепенно возраставших налогов. В результате сильнейшего давления советских властей Временный Патриарший Священный Синод 10/23 октября 1933 г. принял постановление № 80 о закрытии Лавры.

Возрождение обители и ее экономической деятельности произошло только через 60 лет. 24 ноября 1994 г. Священный Синод принял решение об открытии Александро-Невской Лавры. 3 ноября 1997 г. Лавре был передан действовавший с 1958 г. в качестве приходского храма Свято-Троицкий собор, доходы общины которого в 1996 г. составили 816, 2 млн. рублей. В возвращенных ей зданиях братия Лавры вела активную ремонтно-хозяйственную деятельность. Реставрация зданий монастыря, требовала колоссальных затрат и в основном проводилась на благотворительные пожертвования. Большие работы были развернуты на территории созданного в 1998 г. во Всеволожском районе лаврского скита св. ап. Андрея Первозванного. Там активно развивалось подсобное сельскохозяйственное производство: начато разведение гусей, кур, кроликов, выращивание картофеля.

Одной из важных сфер экономической деятельности Лавры стало возрождение традиционных монастырских ремесел. Первым из них стала иконописная школа-мастерская, открытая в 1997 г. В 1998 г. в правом приделе Скорбященской надвратной церкви была временно размещена киотная (багетная) мастерская. С 1997 г. в

подвальных помещениях Троицкого собора находилась слесарная мастерская. В 1999 г. в Просфорном корпусе была размещена швейная мастерская, а в Федоровском корпусе — столярная (древообрабатывающая) мастерская, другая столярная мастерская находилась в нижнем помещении Никольской церкви. В начале 2001 г. была устроена мастерская эстампа. 1 ноября 2001 г. в Федоровском корпусе были открыты церковная художественно-ювелирная мастерская и мастерская по художественной обработке металла (гальванопластике).

На 1 января 2002 г. в Лавре уже было 8 мастерских, в которых трудились более 60 человек (не считая учащихся). Но и в дальнейшем развивались новые виды монастырских ремесел, так в 2004 г. была создана мастерская художественной керамики «Творец». В 2007 г. в Федоровском корпусе была организована монастырская художественная фарфоровая мастерская «Альфа». Кроме мастерских к монастырскому хозяйству относятся прачечная, пекарня, гараж, кухня, трапезные для братии, работников и паломников, монастырская чайная (кафе) «Паломник», склады церковной утвари, свечей, книг, продовольствия, церковные лавки обители, монастырская гостиница на 45 мест в Духовском корпусе, и вторая — Архиерейская гостиница на 6 номеров.

Таким образом, к отмечаемому в 2013 г. своему трехсотлетию юбилею Александро-Невская Лавра подошла являясь не только духовным, просветительским, но и крупным экономическим центром Санкт-Петербурга. Братия и трудники обители ведут самую разнообразную хозяйственную деятельность в различных сферах деятельности

Протестантское предпринимательство как историческое явление и категория обывательского воображения

Protestant Entrepreneurship as a Historical Phenomenon and a Category of Commoners' Imagination

Штырков Сергей Анатольевич

Европейский Университет в
Санкт-Петербурге; Институт Этнологии и
Антропологии Российской Академии Наук,
Санкт-Петербург, Россия

Sergey Shtyrkov

European University at St. Petersburg; Institute
of Ethnology and Anthropology of the Russian
Academy of Sciences, St.-Peterburg, Russia

E-mail: shtyr@eu.spb.ru

Теория Макса Вебера о том, что современная система рационального капитализма сложилась при прямом влиянии протестантских теологических установок, уже более века определяет академический и «около академический» взгляд на отношения религии и экономики во время модерна. У протестантских обществ (наций, меньшинств в непротестантских странах) сложилась репутация успешных предпринимателей, причем не только в сфере экономики. При этом стереотипы, связанные с протестантскими этикой и стилем жизни, перешли в область обывательского здравого смысла, расставшись с логикой веберовского интеллектуального построения. Благодаря этой мутации смысла и стало возможным рассуждение о том, что идеи Вебера о кальвинистских группах, в силу сложного стечения обстоятельств, ставших идеальным типом рационально организованной производственной системы, приобрели вид механистической модели.

В соответствии с таким подходом практически любой протестант, занявшийся бизнесом, является предметом приложения теории Вебера. Между тем значительная часть экономической деятельности современных протестантов не попадает под определения рационального капитализма. Социальная революция, создавшая современную (модерную) экономическую систему, если верить Веберу, была спровоцирована «уходом Бога» из земной жизни, в которой человек (протестант определенного типа) был предоставлен самому себе. Харизматические движения вернули Бога на землю, наполнили жизнь бесконечным количеством чудес, в том числе и в экономической жизни верующих. Наверное, можно в этой связи говорить о новом «заколдовывании» мира. Но следует помнить, что процессы, описанные (или придуманные) Вебером, не могут быть повернуты вспять и наши попытки приписать каким-то религиозным группам экономически иррациональное поведение ничем не отличаются от старых нарративов о богатых святошах и нищих праведниках.

Jesus and the Politics of Taxation

Иисус и политика налогообложения

Bruce Chilton

Bernard Iddings Bell Professor
of Religion, Bard College,
Annandale, New York

E-mail: bruce.chilton@gmail.com

In the famous saying, «you cannot serve God and mammon», (Matthew 6:24), the Aramaic word used for money basically means «bribe». The coin of the realm was Caesar's; like other Galileans, Jesus hoped that God's kingdom would supplant Rome's empire. Roman rule for him was not a blessing, a civilizing influence, or even (as it featured in Paul's mind) an instrument of punitive justice. Military occupation was a fact of life, to be accepted only as part of what God desired to transform.

When Jesus said, «Caesar's repay to Caesar, and God's to God» (Mark 12:17), he certainly did not assume that Caesar was just or that his mammon was virtuous. The context of his words makes this plain. Before his famous saying, Jesus demands, «Bring me a denarius so I can see», and then asks, «Whose is this image and inscription?»

Opponents had asked him whether or not to pay tax to Caesar at all. They wanted to maneuver Jesus into a position of refusing to pay the tax, since he was known not to favor the Romans. Such a position would amount to insurrection, and Rome executed anyone who promoted tax revolt. In one case, just after the death of Herod the Great, the military commander order up 2.000 crucifixions to display the imperial might.

Jesus counter-question about the image and inscription forced his opponents to acknowledge the coin as Caesar's property. It wasn't good, but it was Rome's. The teaching about what is God's and what is Caesar's assumes that, just as the Roman coin bears the image of the empire, so God's kingdom makes itself evident with its own stamp.

Jesus saw the primordial source of people, male and female, as the image of God; they bore the divine likeness (Genesis 1:27). (The same idea features in Jesus' teaching in regard to marriage, Mark 10:6). Understanding that Caesar's power is limited to what Caesar can do — mint coins in this case — sets the boundary of political authority in comparison with humanity's fundamental connection to God. As long as people can keep their inherent identity intact, Caesar can have what is owed him, and only that.

Jesus' position explains why, for him, the right question about taxing is not who should pay, but — what should be taxed? And the answer is: mammon. What comes from Caesar can go back to him, involving God and his people as little as possible. For that reason, Jesus interfered in the Temple when monetary transactions were permitted there. When he drove out the moneychangers and merchants, he acted on principle, not momentary anger. Applying implications of that principle would provide for reducing the injustice of taxation.

Visible Hands: God, the Sovereign, and Providence in Genovesi and the Italian Enlightenment

Видимые руки: Бог, Государь и Провидение у Дженовези и в Итальянском Просвещении

Federico d'Onofrio

Duke University, USA

E-mail: donofrioinnl@gmail.com

Writers on political and economic subjects of the Neapolitan Enlightenment were fully aware of the importance of institutions and of their historical development for the wealth of nations. They shared with other thinkers of the Enlightenment the belief that 18th century society was different than the societies that had preceded it, and was characterized by its commercial nature. Antonio Genovesi's vision of history saw the evolution of human societies from savagery to commercial society as the unfolding of the beneficial effects of Divine Providence which manifested itself in the process of civilisation.

But the historical development also brought about contrasts between different groups in society. If self-interest prevailed over patriotism, the classes entrenched in privilege could stop the progress of society as a whole. This was especially the case of the Kingdom of Naples, where the Church, the lawyers («i togati»), and the feudal barons made the state ineffective and kept society in poverty. While Paolo Mattia Doria proposed virtuous self-denial as the solution to the evils of society, Genovesi opted for a different solution. The King and his ministers were responsible for finding the balance between the disruptive and unifying forces of society. The visible hand of the King would ensure cooperation between the different groups of royal subjects and bring about public happiness.

In this way the role of the Sovereign was truly providential. Good governments brought about that balanced evolution of society and manners that was called civilisation. In the case of Naples the government of the Charles III and Ferdinand IV would help bringing back prosperity and politeness and overcome feudal barbarism. In this life, public happiness of the King's subjects, rather than private fortunes of a few, would crown the reform efforts of kings.

Economics as Religion: a New Perspective on the Financial Crisis

Экономическая теория как религия: в новом контексте финансового кризиса

Robert H. Nelson

Professor at the School of Public Policy
of the University of Maryland, USA

E-mail: nelsonr@umd.edu

Among the important factors in the financial crisis of 2008 and 2009 was arguably a large ethical breakdown in the financial sector that preceded it. The sources of good ethical behavior are multiple but religion ranks high among them. In thinking about the role of religion, most people think first of Judaism, Christianity and other traditional religions. The concept of religion should be extended, however, to include «secular religions» which were among the most powerful religious influences of the twentieth century. This paper argues that many people on Wall Street once believed in a «religion of economic progress» that once provided an important motivation for ethical behavior. Working on Wall Street was not simply a matter of making as much money as possible individually but was also to play a key role in a national economic system that served a larger purpose in the transformation of the nation and the world through the workings of economic progress. By the twenty-first century, however, this religion of economic progress was fading, contributing importantly — as this paper argues — to the large ethical failures of Wall Street.

Promise and Difficulties of the Dialogue between Economics and Religion

Экономическая теория и религия: трудности и перспективы диалога

Paul Oslington

Professor of Economics and Dean of Business,
Alphacrucis College, Sydney.
Visiting Professor of Economics, Australian
Catholic University

E-mail: pauloslington@gmail.com

Dialogue between economists and theologians promises enrichment of both disciplines. The big prize, however, to which enriched disciplines contribute, is illumination of intractable real-world problems such as the causes of economic development. The promise of dialogue remains elusive because of intellectual and incentive difficulties. Economics and theology have not been in close contact since theology nourished the development of economics as a discipline in the 18th and early 19th centuries, leaving much work to be done in understanding the contemporary relationship between the disciplines. Intellectual problems such as divine action, divine providence, theodicy, and scarcity remain. Interdisciplinary research is notoriously difficult, and inhibited by the incentives that professional economists and theologians face. Gifted young scholars are pushed to specialize and have no incentive to seek esteem from those outside their discipline. For those who venture outside their discipline there are only weak controls on the quality of work, leading to a kind of Akerlof lemons problem which further inhibits interdisciplinary research. Despite all these difficulties scholars persist, and I will survey three currently active and potentially fruitful areas of dialogue.

Firstly, the economics of religion which has established itself as a reasonably respected subdiscipline of economics, but which has so far engaged little with theologians.

Secondly, the problem of divine action, notoriously difficult for theologians but potentially illuminated by economists who have well developed accounts of rational action.

Thirdly, economic development where we are seeing more sophisticated accounts of the contribution of religion than the Weber thesis.

References

- 1 Brennan, G. and P. Pettit (2004). *The Economy of Esteem* Oxford, OUP.
- 2 Brennan, G. and A. M. C. Waterman (2008). «Christian Theology and Economics: Convergence and Clashes» in *Christian Theology and Market Economics* ed I. Harper and S. Gregg, Edward Elgar.
- 3 Brooke, J. H. (1991). *Science and Religion: Some Historical Perspectives* Cambridge, CUP.
- 4 Hirschfeld, M. (2012) "A Humane Economy: Capitalism and St Thomas Aquinas" *Tablet* 26 March.
- 5 Iannaccone, L. (1998). "Introduction to the Economics of Religion." *Journal of Economic Literature* 36(3): 1465-95.

- 6 *McCloskey, D.* (2006). *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce* Chicago, University of Chicago Press.
- 7 *McCloskey, D.* (2010). *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World* Chicago, University of Chicago Press.
- 8 *Murray, M.* (2009). «Theodicy» in *Oxford Handbook of Philosophical Theology* ed T. Flint and M. Rea. Oxford, OUP.
- 9 *Oslington, P.* (2008). «Christianity's Post-Enlightenment Contribution to Economic Thought» in *Christian Morality and Market Economics* edited by I. Harper and S. Gregg, Edward Elgar.
- 10 *Oslington, P.* (2009). "Deus Economicus." *Australian E-journal of Theology* 13 (March).
- 11 *Oslington, P.* (2009). «Whither Christian Economics? Further Reflections in the Light of a Conference "the Future of Economics and Theology as an Interdisciplinary Research Field"» *Journal of the UK Association of Christian Economists* 003: 1-9.
- 12 *Oslington, P.* (2011). "The Future Hope Adam Smith's System." *Studies in Christian Ethics* 24(3): 329-49.
- 13 *Oslington, P.* (2011). "Symposium «What Do Economists and Theologians Have to Say to Each Other»" *Faith and Economics* Fall: 1-30.
- 14 *Oslington, P.* (2012). "God and the Market: Adam Smith's Invisible Hand." *Journal of Business Ethics*. 108. 429-38.
- 15 *Oslington, P.* (2014a). "Where Is God When the Economy Collapses? Rethinking Economic Theodicy." *ABC Religion and Ethics* (3 January). <http://www.abc.net.au/religion/>
- 16 *Oslington, P., Ed.* (2014b) *Oxford Handbook of Christianity and Economics*. Oxford, OUP.
- 17 *Robbins, L.* (1935). *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. 2nd rev. London, Macmillan.
- 18 *Viner, J.* (1972). *The Role of Providence in the Social Order* Philadelphia, American Philosophical Society.
- 19 *Viner, J.* (1978). "Religious Thought and Economic Society." *History of Political Economy* 10(1): 9-189.
- 20 *Waterman, A.M.C.* (1991). *Revolution, Economics and Religion: Christian Political Economy 1798-1833* Cambridge, CUP
- 21 *Waterman, A.M.C.* (2001). «The Beginning of Boundaries: The Sudden Separation of Economics from Christian Theology» in *Economics and Interdisciplinary Research* edited by G. Erreygers. London, Routledge: 41-63.
- 22 *Waterman, A.M.C.* (2002) "Economics as Theology: Adam Smith's Wealth of Nations" *Southern Ec Jnl* 68(4): 907-21.
- 23 *Weber, M.* (1905). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* London, Allen and Unwin 1976.
- 24 *Yuengert, A. M.* (2012). *Approximating Prudence: Aristotelian Practical Wisdom and Economics Models of Choice* New York, Palgrave Macmillan.

«A Habitual Disposition to the Good» (Aristotle): Economy of Virtue and Honour

«Привычная предрасположенность к благу» (Аристотель): экономика добродетели и чести

Adrian Pabst

Senior Lecturer in Politics, School of
Politics and International Relations
University of Kent, UK

E-mail: A.Pabst@kent.ac.uk

Much of modern economics rests on dubious theological assumptions, notably that in the state of nature humankind is completely depraved as a result of the Fall — selfish, greedy, distrustful of the other, prone to violence and mired in poverty (as for John Locke, Thomas Hobbes and Thomas Malthus).

For this reason human beings are in need of divine providence whose seemingly arbitrary intervention can broker cooperation out of conflict by turning private vice into public virtue (Bernard Mandeville) and combining morality with enlightened self-interest (Adam Smith).

At the heart of these conceptions of political economy lies a perverted theology that denies any shared ethical ends and reduces human action to the pursuit of wealth, power, utility or happiness — not human flourishing or the common good.

This conception shapes not just the modern tradition of economic thinking but also shapes the Marginalist Revolution, neo-classical economics as well as both Keynesianism and monetarism.

By contrast, this paper shows that a basic habitual disposition to the good is an integral part of human nature and that it can be developed and perfected by means of education and vocal training. This — coupled with new institutions, incentives and rewards — can promote an economy that is both profitable and ethical. Key to economic profit and social benefit is individual virtue and public honour.

The paper draws on the anthropology of Karl Polanyi, Marcel Mauss and his disciples to in order to extend a number of arguments that resonate strongly with the new field of economics and esteem (Avner Offer, Geoffrey Brennan, Philip Pettit).

How Neoliberal Economics Replaced Religion in Illinois Politics: Republicans Need a New Rhetoric about Virtue, and They Turned to Neoliberal Economics

Как неолиберальная экономика заменила религию в политике штата Иллинойс: республиканцам нужна была новая риторика добродетели, и они обратились к неолиберальной экономике

John Taylor

St. Petersburg State University,
Russia

E-mail: A.Pabst@kent.ac.uk

Illinois is a Midwestern American state of which Chicago is the largest city.

Illinois Republicans turned to neoliberal economics because they needed a new rhetoric about virtue in a situation when religious morality faded away.

People call Chicago “the city that works.” It ran on honest graft for many decades. New York politicians invented the phrase “honest graft” by which they meant that they profited “honestly” from government contracts. They charged very high prices, and they used insider information, and they got rich, but they nevertheless fulfilled the contracts, and the public work was done well and on time.

Democrats control Chicago politics entirely, and they run it on honest graft. There are no Republicans in Chicago or there are very few of them, but they have dominated politics in many places in Illinois outside of the city. Republicans have used the rhetoric of virtue to vilify Chicago and achieve popularity elsewhere in the state. They have used religion as a source of this rhetoric. For instance, they were against gay marriage and abortion which gave them support of the Catholic Church.

Today public opinion has shifted, and gay marriage and abortion have become settled and decided political issues. They are both legal. Meanwhile, the state government has run out of money. As a result, republicans turned to neoliberal economics using it as a new source of rhetoric about virtue.

Does Islamic Banking Provide for a More Just Financial System?

Ведет ли исламское банковское дело к более справедливой финансовой системе?

Rodney Wilson

Emeritus Professor,
Durham University, UK

E-mail: rodney.j.a.wilson@gmail.com

Continuing revelations about malpractices in banking and popular revulsion concerning executive bonuses perceived as unjustified have resulted in much questioning regarding the morality of the existing global financial system. Can Islamic banking which attempts to conduct financial transactions in accordance with religious teaching provide a more acceptable alternative? Islamic banks are best known for their avoidance of interest based finance because of the Shari'ah prohibition of *riba* which is seen as exploitative. However there are other positive features of Islamic finance that have been stressed more in recent years, notably the principle of risk sharing. Whereas western banks try to minimise their own risks and transfer risks to their clients, Islamic banks are willing to take on risk. Risk sharing does not pose problems where there are high degrees of trust between banks and their clients. As relationship banking characterises Islamic finance the stress is on the long term rather than one-off financial transactions for the lowest possible cost.

As is the case with ethical banking, Islamic banks in practice do not always operate according to the high ideals of religious teaching. Humans, including bank employees, are always tempted into sin. However at their best Islamic financial principles provide for a just banking system, with checks and balances, not least by having a governance structure that includes a committee of religious advisors. Much has been achieved since 1975 when the pioneering institution, Dubai Islamic Bank, opened. Assets managed in accordance with Shari'ah now exceed \$1.4 trillion, and in the economies of the Gulf and Malaysia deposits in Islamic banks exceed one fifth of the total. Although those working in Islamic banks do not expect them to totally replace existing institutions, the global financial crisis of 2008 highlighted the need for changes to present practices. Participatory finance involving real commitment after careful risk appraisal is a preferable alternative to irresponsible lending where bank employees get bonuses based on the number of clients signed up or the size of the transactions.

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПБГУ

Миссия:

В новых условиях экономического развития (глобализация, расширение потребления, неравномерность) исследовать взаимосвязи экономического устройства с социальной, политической и культурной средой. Акцент на экономической культуре привлекает внимание к эмпирическим исследованиям и созданию новых социально-экономических концепций, обобщающих на новом уровне достижения экономической теории, политологии, социологии и других наук.

Проведение исследований в области экономической культуры поможет ответить на такие вопросы, как связь экономического и политического устройства общества (рынок, государство — демократия и авторитаризм), переосмысление взаимовлияния систем ценностей (убеждений) и экономического устройства, выявление причин региональной отсталости и дисбалансов, неудач в восприятии реформ и их воплощения, изучение актуальной культуры потребления, и наконец, проведение ревизии в рамках самой экономической теории и социальных науках.

Задачи:

1. разработка методологии и проведение эмпирических исследований, накопление сопоставимой качественной и количественной информации по взаимосвязи экономики, политики и культуры с включением таких параметров, как власть и насилие, распространение безличных отношений, права собственности, неправительственные организации, ценностные установки, институты гражданского общества и так далее.
2. пересмотр фундаментальных оснований экономической теории, исходя из более адекватного и реалистичного понимания поведения человека в экономике, социуме и культуре. В этой связи проведение ревизии истории экономической мысли и выявление конкурентных преимуществ у альтернативных, неортодоксальных экономических теорий.
3. изучение неортодоксальных междисциплинарных подходов к экономической теории и реальной экономической политике с особым рассмотрением финансовой хрупкости капиталистической экономической системы и ее последствий для реальной экономики, которые включают исследование международной финансовой архитектуры, денежной и торговой политики (в сотрудничестве с Институтом Леви).
4. проведение региональных исследований социально-экономического развития в РФ, учитывающих культурные, религиозные и институциональные отличия, изучение воздействия экономической культуры на эффективность экономической политики в различных странах.
5. изучение особенностей культуры потребления в новой экономике и культурных оснований современного капитализма; исследование, сравнительный анализ и критика экономических идеологий и мировоззрений.
6. исследование взаимоотношений экономики и этики, взаимосвязи экономики и религии в контексте пересмотра тезиса о секуляризации как спутнике модернизации.
7. исследование отображения и рефлексии экономики в культуре и искусстве.

Творческий коллектив:

А. Л. Кудрин, Д. Е. Расков (руководитель), А. А. Погребняк,
Д. В. Кадочников, А. С. Воробьев, Д. Б. Пушкина, А. Э. Тарабанов,
И. В. Розмаинский

Конференции:

2012 г. 29–30 июня 2012 г.

Экономическая культура современного капитализма

2013 г. 25–26 апреля 2013 г.

Экономическая культура: ценности и интересы

Семинар «Экономика и культура»

Публичный семинар приглашает к обсуждению проблем современного общества, связанных с экономической культурой и ее пониманием в различных областях социального и гуманитарного знания. Вопрос ценностей, власти, символов и разнообразных практик, который часто выносился за скобки в стандартной экономической теории, ставится в центр экономических дискуссий. В этой связи иное звучание приобретают такие вопросы, как происхождение и институты современного капитализма, культура потребления, противоречия и динамика рыночной культуры, взаимосвязь политики, социума, религии и экономики, культурные основания экономики и экономические основания культуры. Семинар открыт для разных теоретических позиций; его основная цель — способствовать объяснению феномена экономической культуры и ее эмпирическим исследованиям.

Издательская серия:

НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Совместный проект Факультета свободных искусств
и наук СПбГУ и Издательства Института Гайдара

При участии Центра исследований экономической
культуры СПбГУ и Института нового экономического
мышления.

Актуальная парадигма, лежащая в основании современной экономической теории, остро нуждается в пересмотре и поиске альтернативных подходов. Ситуация, когда большинство вопросов пытаются «втиснуть» в универсальную схему интерпретации, вряд ли может устраивать. Назрела необходимость как в критическом переосмыслении основного течения экономической мысли, так и в представлении и оценке значимых альтернатив, которые могут обогатить мыслительный горизонт и методологический арсенал экономистов и ученых, исследующих экономические проблемы.

В особенности это справедливо в тех областях, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст. В таких вопросах экономическая наука зачастую не в состоянии дать удовлетворительных ответов. Реальное поведение людей не только не вписывается в стандартные модели, но и зачастую просто не пересекается с ними. Уклонение от тех культурных, политических и социальных контекстов, в которых принимаются хозяйственные решения, — слишком большая роскошь, которую экономическая теория не может больше себе позволить. Дело даже не столько в усовершенствовании уже имеющегося методологического аппарата, но во включении в предметную область экономической науки тех тем, которые редко были предметом изыскания экономической науки, а находились в ведении философии, психологии, социологии, культурологи и других наук.

Принципиальная задача исследовательского проекта состоит в фундаментальном переосмыслении оснований экономической науки, которое может вывести экономическое мышление на качественно новый уровень.

Проект включает три основных направления работы: **источки, контексты, перспективы.**

Выявление новых источников экономического знания связано как с публикацией книг тех авторов, чьи работы были несправедливо признаны тупиковыми ветвями развития экономической науки, так и со знакомством русского читателя с текстами, относящимися к неортодоксальной экономической мысли. Представление об экономике как о гуманитарной дисциплине, неразрывно связанной с институтами и культурой, представляет новый контекст в осмыслении сложноорганизованных практических вопросов.

Постановка актуальных вопросов, расширение границ предметной области экономической науки, разработка новой методологии смогут наметить неисследованные горизонты как в развитии теории, так и в искусстве практического применения.

В настоящее время
готовятся к изданию
5 книг:

Новое экономическое мышление: истоки

Coase, Ronald. Essays on Economics and Economists. The University of Chicago Press. 222 pp.

Как экономисты выбирают, на какие вопросы обратить свое внимание и какие теории направить на их разрешение? Как они пытаются найти решения проблем экономических систем и дают советы по государственному управлению? О некоторых из этих вопросов, лауреат премии им. А. Нобеля, Рональд Коуз, широко известный своим вкладом в теорию фирмы и развитием нового направления «экономика и право», размышляет как методолог и независимый мыслитель, исходя из самых существенных опасений экономистов последних двух столетий. Коуз оценивает вклад в экономическую науку ряда выдающихся деятелей, в том числе Адама Смита, Альфреда Маршалла, Арнольда Планта, Дункана Блэка и Джорджа Стиглера, а также экономистов Лондонской школы экономики 1930-х годов.

Genovesi, Antonio. Delle Lezioni di commercio o sia d'economia civile. Napoli. 1768. 465 pp. (Vita e pensiero. 2012)

Новое экономическое мышление: контексты

Clamer, Arjo. Speaking of Economics. Routledge. 2007. 200 pp.

Взяв за основу темы, затронутые в своей известной книге «Беседы с экономистами» (1983), Арьо Кламер написал новую книгу о профессии экономистов. В ней он исследует фундаментальные разногласия по поводу природы и целей экономической науки, обращаясь к тому, как эта дисциплина может быть одновременно гуманитарной и строгой, влиятельной и игнорируемой, благородной и презираемой и демонстрирует экономическую науку как живую систему, укорененную в повседневности. Книга «Странная наука экономика: приглашение к разговору» пробудит в вас интерес к дальнейшему разговору об экономической науке.

McCloskey, Deirdre. Rhetoric of Economics. Second Edition. The University of Wisconsin Press. 2008. 223 pp.

Классическая в своей области, эта новаторская книга побуждает научную риторику экономики выявить свою литературную душу. В этом полностью пересмотренном втором издании, Дейдра Макклоски демонстрирует как в экономическом дискурсе используются метафоры, власть авторитета, симметрия и другие риторические средства убеждения. Риторика экономики показывает экономистов как тех, кто хочет быть убедительным для своей целевой аудитории, как поэтов рынка, несмотря на все технические и математические методы.

Beugelsdijk, Sjoerd, Masseland, Robert. Culture in Economics. History, Methodological reflections and contemporary applications. Cambridge University press. 2011. 408 pp.

Редакционный Совет серии:

Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ), Болдырев И. А. (Университет им. Гумбольдта, Берлин), Заманьи С. (Болонский университет), Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердамского), Кудрин А. Л. (СПбГУ), МакКлоски Д. (Университет Иллинойса, Чикаго), Май В. А. (РАНХ), Нуреев Р. М. (НИУ ВШЭ), Погребняк А. А. (СПбГУ), Расков Д. Е. (СПбГУ), Широкоград Л. Д. (СПбГУ).

АЛМАНАХ

Центра исследований
экономической культуры

С 2013 года Центр исследований экономической культуры (ЦИЭК) Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета по результатам каждого года издает Альманах. Это открытая площадка для обсуждения таких вопросов как связь экономики и культуры, критика ценностных оснований и неявных допущений современной экономической теории, достижения неортодоксальной экономической мысли, роль культуры и ценностей в экономическом развитии, экономическая культура стран и регионов, взаимосвязь экономики и религии, экономики и искусства.

В Альманахе за 2013 год были опубликованы следующие статьи: Яноша Корнаи о последствиях нарушения обещаний, Антонеллы Корсани о неолиберальном когнитивном капитализме, Александра Погребняка и Данилы Раскова об экономике как культуре, Дениса Кадочникова об экономической методологии анализа культуры, Ивана Розмаинского о значении экономической культуры для экономического роста, Джеффри Хасса о постсоветской политической культуре, Сергея Фокина о капитализме как о новой форме языка и религии.

Главный редактор

Расков Данила Евгеньевич (СПбГУ)

Ответственный редактор

Кадочников Денис Валентинович (СПбГУ)

Ученый секретарь

Майдаченко Кира Георгиевна (СПбГУ)
maidachenko09@gmail.com